

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

ПО ЗАКОНУ ПЛОХИХ ПАРНЕЙ ЭЙС АТКИНС

Я всегда
восхищался
Аткинсом.
Но это, пожалуй,
лучшая из его книг.

*Майкл
Коннелли*

Произведения автора трижды номинированы
на премию **Edgar Awards**

THE NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Иностранный детектив

Эйс Аткинс

По закону плохих парней

«Центрполиграф»

2011

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Аткинс Э.

По закону плохих парней / Э. Аткинс — «Центрполиграф»,
2011 — (Иностранный детектив)

ISBN 978-5-227-06770-8

Армейский рейнджер Квин Колсон приезжает в родной город в штате Миссисипи, где не был вот уже шесть лет. Привел его на родину печальный повод: смерть дяди. Квин собирается отдать родственнику последний долг, разобраться с наследством и возвратиться на службу. Но прошедший горячие точки солдат понимает, что в родном городке слишком многое изменилось: власть вершат преступники. По официальной версии, его дядя, шериф округа, покончил жизнь самоубийством, но некоторые факты позволяют предположить убийство. Квин стремится узнать правду о дяде, своей семье, друзьях детства. И как только истина приоткрывается, понимает, что для него теперь нет пути назад. Он не может позволить плохим парням и дальше устанавливать свои законы.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-06770-8

© Аткинс Э., 2011
© Центрполиграф, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Эйс Аткинс

По закону плохих парней

Ace Atkins
The ranger

© 2011 Ace Atkins

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

Это – художественное произведение. Имена и характеры героев являются вымышленными. Какое-либо сходство с реальными, живыми или мертвыми, людьми и событиями, в которых они принимали участие, – чистая случайность.

Памяти Роберта Б. Паркера

Истинный солдат сражается не из ненависти к тому, что впереди, но из любви к тому, что позади.

Г. К. Честертон

Не совершай отход путем, которым пришел. Выбирай другой маршрут, чтобы избежать засады.

Из приказа-инструкции № 11 рейнджеров Роджера

Глава 1

Квин ехал домой. Путь его лежал на юг, через штат Миссисипи. Он вел пикап, купленный в Финиксе, в Алабаме, за полторы тысячи долларов. С собой Квин взял только армейский рюкзак, набитый шмотками на неделю. В рюкзаке хранился также великолепный «кольт-анаконда» 45-го калибра, который Квин выиграл в покер. Еще Квин вез прекрасные записи рок-н-ролла и классических мелодий «кантри», а также снимки с последнего места дислокации в Афганистане: свое фото с сослуживцами по взводу рейнджеров, с нашивкой «молния» на плече и с вертолетами «блэкхок» в закатном небе над горами. Он возвращался домой после шестилетнего отсутствия, после переброски из штаб-квартиры 3-го батальона в форте Беннинг в Ирак, Афганистан и обратно. Квин не рассчитывал вернуться домой так скоро, точнее, сомневался, вернется ли вообще. Сейчас он ехал на юг сначала по шоссе № 7, затем по шоссе 9W, держась южного направления, в ветреный холмистый край, который несколько десятилетий назад разделили под орех, оставив жителям чахлые сосенки и другие деревья вместе с расплюснутыми банками из-под пива и пустыми бутылками. Эта часть штата казалась Квину обескровленной еще в то время, когда он был ребенком, она виделась такой и теперь, в свете фар грузовика. Он возвращался в Иерихон в полночь, не желая оказаться там до завтрашних похорон.

Столь долгая отлучка не входила в его планы, но он поступил на службу в восемнадцать лет и получил нашивку рейнджера как раз перед 11 сентября, поэтому ему не пришлось сидеть сложа руки, черт побери. Квин пытался вспомнить, когда в последний раз видел мать (не утруждая себя вопросом, увидит ли когда-нибудь снова отца), и гадал о том, что случилось с сестрой, которая не навещала его два Рождества. Дома оставалась также его бывшая подруга, бросившая его вскоре после разрыва со старыми и близкими друзьями, с которыми он не общался несколько лет.

Квин включил радио. Исполняли вариант классической «Западной баллады» Джонни Кэша. Квин знал эту вещь наизусть, но каждый раз слушал ее с удовольствием.

Старый грузовик мчался со скоростью под семьдесят миль по ровной ленте асфальтобетона, протянувшейся от холма к холму. Дорога пересекала бескрайние леса, через которые когда-то пробирались на лошадях и в фургонах. Округ Тиббеха был одним из самых отдаленных округов северной части штата Миссисипи.

После многолетних маршей и маневров беззаботность казалась ему непривычным чувством, хотя в обычных условиях он мог по собственной воле быстро засыпать и столь же быстро просыпаться. Служба в армии выработала в нем выносливость и развила мускульную силу, необходимую для быстрых и внезапных действий в обстановке хаоса и насилия. Его голова со стандартной прической под «бокс» казалась в зеркале заднего вида как бы вырубленной из дерева. Резкие черты лица он унаследовал от бабушки, индианки из племени чокто, кровь которой почти сотню лет назад смешалась с кровью сурового мужчины шотландско-ирландского происхождения, поселившегося на юге.

Обогреватель грузовика гнал теплый воздух. Квин, одетый в черную футболку, голубые джинсы и ковбойские ботинки, удобно откинулся в водительском кресле, расслабленно держа руки на руле. В пепельнице у него хранилось полсигары, другую половину он выкурил, когда пил дрянной кофе почти в сотне миль отсюда. Поездка длилась всего пять часов, но это был чертовски долгий период времени наедине со своими мыслями.

Еще один поворот, еще один изгиб шоссе – и вдруг Квин заметил впереди, в свете фар, неясный силуэт. Квин тормознул, обнаружив, что тормоза гораздо менее тугие, чем утверждал продавец. Он подумал, что это испуганная лань или собака, но затем разглядел голую спину девушки.

Он крутанул руль вправо, и грузовик проехал на расстоянии вытянутой руки от полуночной путешественницы. Машина застряла в канаве, задние колеса забуксовали в грязи.

Квин выбрался из кабины и зашагал к девушке, все еще стоявшей на двойной желтой разделительной линии. На фоне горячего тиканья заглушенного двигателя слышалось ее дыхание. Где-то за оградой из колючей проволоки бродили коровы, вдалеке посвистывал поезд. Светила одинокая луна. Подойдя, он заметил на склоне холма приближающийся лесовоз. Квин схватил девушку за руку и развернул лицом к себе.

– Ты в порядке?

Девушка кивнула.

– Какого черта ты стоишь посреди дороги?

– Я вас не заметила.

– Не услышала моего грузовика?

Она не ответила.

– Черт, я чуть не задавил тебя!

Девушка была одета в ковбойские ботинки, мини-юбку, сверкающий блестками топ с ляжкой через шею, едва не лопающийся на животе. Ей могло быть и восемнадцать – девятнадцать, и шестнадцать лет. У нее были светлые волосы и глаза. Кудри и вздернутый маленький носик делали ее похожей на ребенка.

– Ты местная? – поинтересовался Квин.

Девушка покачала головой, выдохнув на холоде облачко пара.

– Я бы тебя подвез, но...

Она сказала, что не стоит, отвернулась и направилась по шоссе к югу.

Квин запрыгнул в кабину грузовика и включил зажигание. «Форд» был старше его самого. Он выжал сцепление просто так, с досады, полагая, что никогда не выберется из этой ложбины. Но колеса завертелись, машина подалась на фут вперед, затем на пять футов и выползла на дорогу, последовав за девушкой. Квин медленно опустил боковое стекло и предложил ей сесть рядом.

Она остановилась. Постояла молча, демонстрируя полное пренебрежение к проселочным дорогам, ведущим неизвестно куда, затем забралась в кабину. Квин поддал газу на случай, если девушка изменит свое решение.

– Я еду в округ Тиббеха, – пояснил он. – В Иерихон.

Квин настроил радиоприемник на местную станцию. Ведущий радиопередачи излагал свое мнение по поводу падения нравов в Америке и приближения конца света.

– Сколько тебе лет? – спросил он.

– А тебе? – ответила она вопросом на вопрос.

– Двадцать девять.

– Ты выглядишь гораздо старше.

Они миновали примерно пятнадцать миль, не перемолвившись ни словом.

– Ты можешь высадить меня здесь, – сказала наконец девушка.

– Нет, не здесь.

– Я могу дальше пойти пешком.

– Ты откуда? – спросил Квин, не снижая скорости.

– Из Алабамы.

– Так и шла из Алабамы?

– Оттуда идти далеко, – сказала она, глядя прямо перед собой.

– Особенно в таких ботинках.

– А ты из Иерихона?

– Вырос там.

– Знаешь парня по имени Джоди?

– Давно не был дома, – пояснил Квин. – Как его фамилия?

Девушка не ответила. Она просто смотрела на освещенный фарами участок шоссе перед ними, не обращая внимания на обочины, где на открытых площадках торчали трейлеры и самодельные вывески предлагали свежие овощи, хотя сезон их сбора закончился несколько месяцев назад.

– То, чем ты занимаешься, опасно, – заметил Квин.

– Благодарю за сочувствие.

– Просто хочу помочь.

– Зачем ты возвращаешься?

– Настало время.

– Как долго ты отсутствовал? – поинтересовалась она.

– Шесть лет и несколько месяцев.

– Натворил что-нибудь?

– Что за вопрос?

Девушка молчала, прижавшись головой к боковому стеклу. Мимо пронеслось несколько машин. Гребни холмов, подсвеченные дальними огнями, сопровождали их всю дорогу, пока они не достигли границы округа Тиббеха, где стоял дорожный знак, на котором краской-спреем было нанесено: «НЕ БЕЗ НАДЕЖДЫ». Квин кое-что узнавал. Вот магазин Варнера «Квик-Март». А вот маленький школьный стадион, где он еще долго играл в футбол, после того как они стали чемпионами штата в 1978 году. Гараж «Джей Ти» выглядел так, словно его давным-давно закрыли. Кинотеатр же в деловой части города, где они с младшей сестрой смотрели «Фивел едет на Запад», был переделан под церковь. Квин миновал городское кладбище, где он будет, вероятно, похоронен вместе с родителями и родителями родителей, а также некоторыми родственниками. Затем они поехали вокруг городской площади. В центре ее стоял небольшой павильон – памятник всем парням, погибшим на полях сражений Гражданской войны.

– Это все здешние достопримечательности? – поинтересовалась девушка.

– В общем, да, – ответил Квин. – Найти тебе место для ночлега?

– Я справлюсь сама, спасибо.

– Тебе могут помочь в церкви. Видишь тот мотель, что как раз напротив железнодорожных путей? Я сниму тебе на ночь номер, а утром, отдохнув, ты сможешь пойти дальше. Я тоже переночую в мотеле.

– Знаем эту песенку, – сказала она, повернувшись, чтобы взглянуть ему в лицо.

– Я не святоша, – парировал он, – но никогда не стану связываться с беременной девчонкой-подростком.

Девушка ничего не ответила. Квин дал полный газ и проехал над железнодорожными путями, спустившись к «Отдыху туриста», старому мотелю в виде подковы, окна номеров которого выходили на шоссе. Он вспомнил, что прежде за тридцать баксов парочки могли уединиться здесь во время выпускного вечера. Теперь владельцы рекламировали ловлю окуней в пруду и бесплатную беспроводную связь.

Квин взял свою сумку, заплатил за номера и бросил девушке ее ключ.

– Удачи, – пожелал он, отправляясь в свой номер.

– Утром я отдам тебе деньги.

– Вряд ли получится, – заметил Квин. – Меня не будет, я должен присутствовать на похоронах.

– Кто умер? – спросила она.

Похороны начались ровно в девять часов. Всем было ясно, что дядя, несомненно, оценил бы такую пунктуальность. Присутствовало около двадцати человек. Квин ожидал большего количества участников похорон, но понимал, что этому помешало холодное, дождливое утро,

то, что праздновался День благодарения и прочее. Большинство пришедших были мужчины, старые ветераны, знавшие дядю еще с корейской войны, задолго до того, как в 1973 году он стал шерифом. Когда тело Хэмптона Бекета опускали в могилу под салют из двадцати одного выстрела, они прижимали к своим усталым сердцам бейсбольные кепи с обозначениями родов войск, в которых служили. Казалось, что некоторые из стариков были бы рады взять ружья и пальнуть пару раз. Оглушительный грохот каждого залпа заставлял Квина вздрагивать. Он ненавидел себя за это, наблюдая, как складывают снятый с гроба флаг и передают его официантке с химической завивкой из станционной закуской Филлина, женщине, с которой Хэмп пять лет встречался после смерти своей жены. Присутствующие оживленно беседовали и дружески жали друг другу руки, но затем дождь припустил сильнее, все попрятались под зонтики и побежали к своим машинам. Панихида должна была продолжиться в клубе ветеранов зарубежных войн.

Когда Квин подошел к дверце своего пикапа, Люк Стивенс перебрался через канаву, чтобы пожать ему руку. Он не виделся с Люком со времени окончания школы, но тот почти не изменился с того времени: те же каштановые вихры, смазливое лицо и самоуверенная улыбка. Стекла его очков в золотой оправе усеяли дождевые капли, костюм промок. Стивенс коротко улыбнулся, пожал Квину руку и неуклюже заключил его в объятия. Он чувствовал себя неловко из-за того, что увел Анну Ли, когда Квин служил в армии. Люк окончил медицинский колледж Тулейн и вернулся жить и умирать в Иерихон.

Квин начал было что-то говорить, но Люк быстро повернулся и пошел к своей машине. Квин увидел со спины Анну Ли в черном платье, которая забралась в салон машины и захлопнула дверцу. Черт, он все равно не знал, что сказать.

Клуб ветеранов зарубежных войн располагался в здании из шлакобетона с настенными росписями на европейские, вьетнамские и иракские сюжеты. Рекламные плакаты, вывешенные снаружи две недели назад, гласили: «ПО СУББОТАМ БИНГО И ЖАРЕННЫЕ СОМЫ». Квин снял мокрое пальто, ослабил влажный галстук и сел за стол с тремя стариками. Один из них оглядел пустую комнату, больше для вида, чем из опаски, и вытащил бутылку виски Wild Turkey. Другой пошел на кухню за чашками для кофе.

– Ты так и не увиделся с матерью? – спросил старый мистер Джим, ветеран Третьей армии, который рассказывал посетителям в своей парикмахерской истории о встречах с Паттоном. У него даже хранилась карточка этого святого, снятого во время их вторжения в Бельгию. Нос старика напоминал брюкву, глаза – бледно-голубые щелки.

– Нет, сэр.

– Она хочет тебя увидеть.

– Да, сэр.

– Не сердись на нее.

– Хэмп был ее братом, – напомнил Квин. – Не большой труд – поприсутствовать на его похоронах.

– Они некоторое время не разговаривали, – заметил мистер Джим. – Поссорились.

– Ссора из-за ничего, – возразил Квин. – Хэмп почти месяц не разговаривал с ней, после того как она назвала Джона Уэйна пидором.

Старый судья Блэнтон, седоволосый коротышка в черном костюме, откупорил бутылку виски. Лютер Варнер, бывший морпех во Вьетнаме, владелец «Квик-Марта», вернулся с четырьмя разномастными чашками. Варнер закурил длинную дешевую сигарету. Квин предпочел бы, чтобы он принес сигары.

Он чувствовал себя среди них, с их обращениями «сэр» друг к другу и вежливыми рукопожатиями, не в своей тарелке. Квин не входил в компании парней, сидевших по утрам в заве-

дении Варнера, поглощая кофе. Но сейчас он находился здесь после службы в армии, а старшие парни словно поощряли его: «Посидим и поболтаем. Ты ведь теперь один из нас».

– Ты не надел военную форму, – заметил судья Блэнтон.

– Я поносил ее достаточно.

– Вас перебрасывают в другое место? – поинтересовался мистер Джим.

– Мы только что вернулись, – пояснил Квин. – Третий батальон пробыл в Афганистане шесть месяцев.

– Много воевали?

– Как всегда.

– Молодых парней всегда призывают, когда дело швах, – сказал Варнер.

– Не понимаю, зачем он так поступил, – произнес мистер Джим. Он пристально смотрел в пустой угол, не прислушиваясь к разговору.

Квин насторожился. Другие старики переглянулись и опустили глаза в стол.

На добрых двадцать секунд установилось молчание. Квин слышал лишь дыхание присутствующих и шум дождя, барабанищего по крыше. Он сидел и ждал.

– Ты не знаешь, – вновь подал голос мистер Джим.

– Не знаю чего?

Мистер Джим взглянул на Варнера, а Варнер – на старого судью Блэнтон.

Судья Блэнтон сделал большой глоток виски.

– Прости, Квин. Старый Хэмп засунул в рот пистолет 44-го калибра и спустил курок. Пооди разбери.

Глава 2

Лена стояла перед потрескавшимся зеркалом мотеля, завернувшись в полотенце и расчесывая гребнем влажные волосы. Только шестнадцатилетняя девчонка, думала она, могла быть настолько глупой, чтобы очутиться в американской глубинке беременной и без денег. Но она решила найти Джоди, и она дойдет до Техаса, чтобы выяснить правду о том, почему он скрылся. Он сказал, что свяжется с несколькими верными друзьями в штате Миссисипи и достанет достаточно денег для того, чтобы они с Леной могли не думать о работе, беспокоиться об оплате счетов или о том, как занять денег у родственников. Они въедут в город в большом лимузине, который поразит прохожих. Промчатся так быстро, что едва заметят людей на тротуарах. «Ты сможешь наплевать на этих тупоголовых», – говорил он с широкой улыбкой, а Лена была настолько наивной, что ни на минуту не усомнилась в его словах.

Ее отражение в запотевшем от пара зеркале затуманилось. Она протерла стекло и взглянула на себя. В сонных глазах отражалось несколько меньше решимости, чем требовала ее порывистая душа.

Лена порылась в сумочке и обнаружила маленький изящный пистолет 22-го калибра, который стащила у бабушки.

Несколько минут она смотрела в зеркало, воображая, что скажет, когда направит пистолет прямо в Джоди: «Отвечай, беби, или я стану стрелять из этой штуки».

Квин обнаружил номер девушки в мотеле пустым. Кровать не застлана, на полу влажное полотенце. Он вернулся в свой номер, сменил тесный черный костюм на голубые джинсы и передел ботинки. Затем выгладил помятую голубую рубашку горячим утюгом. Почистил зубы, причесался, хотя только вчера подстригся под «бокс», и запихнул все свои вещи обратно в рюкзак.

Ливень перешел в непрерывную серую изморось.

Он попытался узнать, что с девушкой, у ночного дежурного. Но тот ее не видел.

Спросил горничную. Она сказала, что видела, как девушка рано утром шла по дороге.

Квин взглянул на часы.

Идти не хотелось. Но он знал, что пойдет.

Сукин сын.

Мать открыла дверь, держа одной рукой ребенка, а в другой сжимая бутылку текилы. Она окинула Квина взглядом, поставила бутылку на стол и обхватила его за шею. Квин чувствовал приторный запах духов, который всегда сопровождал ее. Она всхлипывала и спрашивала, почему он не заходил. Он слышал, что на магнитоле она проигрывала песню «Как Ты велик» в исполнении Элвиса Пресли. В доме Колсонов почитали Элвиса и Иисуса. *Иисуса и Элвиса*. Если оба сочетались в одной песне, то это была большая удача.

Квин обнял ее в свою очередь, но мальчик, оказавшийся между ними, мешал.

Их дом представлял собой ранчо, построенное, когда родился Квин, на деньги, которые отец заработал в Лос-Анджелесе. Мать уже тогда развешивала рождественские гирлянды под водосточными трубами. На двери висела табличка с библейским стихом. Телевизор был накрыт выцветшим плакатом, рекламировавшим мюзикл «Да здравствует Лас-Вегас» с Пресли. Бывало, Квину претила одержимость матери. Иногда он радовался тайком, что Элвис уже покойник и больше не мог быть конкурентом им с отцом. Квин знал, что отец думал таким же образом, и, возможно, поэтому смылся из Иерихона.

Мать была навеселе от текилы, когда затаскивала Квина внутрь дома. Гостиная с телевизором и столовая, а также кухня не изменились со времен его детства. Мать спросила, хочет ли

он есть. На старой газовой плите лежала индейка, завернутая в алюминиевую фольгу. Рядом стояли кастрюля с застывшими зелеными бобами и сковорода с кукурузным хлебом. Магнитами все еще были прижаты к стенке холодильника фото матери, снятое после выпуска из школы, и рядом его собственный снимок, сделанный по окончании военной учебки.

– Конечно, – сказал он в ответ на ее вопрос.

Мать переместила ребенка на другое бедро. Мальчонка с любопытством наблюдал, как Квин подходит к холодильнику и достает оттуда бутылку холодного чешского пива. Он улыбнулся малышу. Тот, видимо, был полукровкой, потому что обладал кожей светло-коричневого цвета и выщипанными светлыми волосами.

Мать положила еду на тарелку, подогрела ее в микроволновке. Ее глаза были воспалены и мутны. Она нервничала, о чем говорили резкие движения ее рук.

– Знаешь, почему я не пришла? – спросила она.

– Я тебя не виню.

– Если бы все можно было вернуть, если бы я сказала ему эти вещи, ты сам бы заставил его прийти ко мне. Он все понимал и с уважением отнесся к моему решению.

Квин ел и потягивал пиво.

– Ты надолго приехал? – поинтересовалась мать, закуривая сигарету. – Спасибо за чудесные покрывала, что ты прислал. Ты видел, как они смотрятся на диване? И за письма. Спасибо за твои письма, но я хотела, чтобы ты отвечал и на те письма, что я писала. Мы словно играли в теннис друг с другом. Неужели ты не читал того, что я писала? Ты получил мою зубную пасту?

– Да, мама. – Квин откинулся на стуле и отхлебнул еще пива. – Могла бы предупредить меня. Ты ведь говорила, что у него сердечный приступ.

– Какой смысл? – возразила она. – Если бы ты знал о том, что он сделал, это бы уже не помогло. Он был настолько эгоистичен, что не подумал о своей семье.

– Потому что самоубийство – грех.

Мать прикрыла мальчугану уши.

– Кстати, кто этот малыш?

Мать поднялась и повернула ребенка лицом к себе. Квин откусил от индейки и заел подгоревшим кукурузным хлебом.

– Это твой племянник, – объяснила мать. – Если бы ты распечатал несколько моих писем, то знал бы о нем.

– Эй, малыш. – Квин потрепал мальчика по щеке. – А где Кэдди?

– Мы не видели твоей сестры уже шесть месяцев.

Квин спал мертвым сном в мотеле, когда раздался стук в дверь. Вероятно, было около двух часов ночи. Он замешкался в поисках джинсов и часов, подтвердивших время. Стук прекратился. Квин подошел к окну, раздвинул дешевые старомодные шторы и увидел помощника шерифа Лили Верджил, стоявшую внизу под светом яркой лампы. Она присутствовала на похоронах, но там они не смогли серьезно поговорить.

– Ты будто испуган, – произнесла Лили, как только Квин открыл дверь. – Можем поговорить позже.

– Несколько рановато, – заметил Квин. Он опять подошел к окну, прислонился к оконной раме. – Не возражаешь, если я накину на себя что-нибудь?

На Квине были только белые трусы. Он натянул джинсы и сунул ноги в ботинки, которые без шнурков казались неудобными и широкими не по размеру.

Пока он одевался, Лили осмотрела комнату, отметив с улыбкой, что в ней был идеальный порядок, если не считать неприбранной кровати. Все, что он привез домой, было уложено в армейский рюкзак. Она провела рукой по краю ванны. Квин сполоснул раковину после бритья и повесил полотенце сушиться.

- Ты словно торопишься уехать, – заметила она.
- Так легче найти то, что нужно.
- Так было всегда, Колсон.
- Лили.

Лили была почти одного роста с Квином. Волнистые волосы она собрала в тугой узел. Квин помнил, как здорово Лили играла в футбол и бейсбол. Она бегала наравне с мальчишками на легкоатлетических соревнованиях. Это была девчонка-сорванец, и в то же время девушка, которой завидовали женщины, когда она подкрашивала губы или наряжалась в платье на школьные вечеринки. У нее был конфликт с одним мерзким деревенщиной, который попытался напоить ее и заставить перепихнуться. Даже в своем роскошном платье Лили Верджил сумела расквасить нос этому сукину сыну, лоху, который потом распустил по городу слухи, что Лили лесбиянка. После того как она сдала экзамены в университет Миссисипи и поступила на службу копом в Мемфисе, он больше не видел ее. Лили вернулась в эту дыру и стала работать в Иерихоне из-за матери, умирающей от рака.

- Я был очень огорчен, когда мне рассказали о твоей маме.
- Она долго мучилась, – сказала Лили. – Я прочла твое письмо.
- Хочешь, чтобы я поехал с тобой?

– Ты – со мной? – произнесла Лили с улыбкой, в то время как Квин натянул белую майку и стал застегивать фланелевую рубашку. – Ты знаешь, я на службе. Если кто-нибудь увидит мою машину здесь, то может настучать, а если настучит – ну, ты сам военный, понимаешь. Будет много вони.

- Кто сейчас командует?
- Замещает шерифа Уэсли Рут.
- Да поможет тебе Господь.
- Аминь.
- Как насчет кофе?
- «Дикси Гэс» открывается через два часа.
- Это не может подождать?
- Ни в коем случае.

Лили покачала головой и вышла, оставив дверь широко распахнутой. Она не спеша пошла к поджидавшему «джипу-чероки» ведомства окружного шерифа Тиббехи.

Ночь уходила за проселочные дороги и бесконечные поля, с которых уже убрали хлопок. Дождь прекратился, от земли поднимался пар. Лили опустила боковые стекла, и Квин вдыхал запахи сырой земли. В салоне автомобиля было тепло и уютно. Потрескивала рация, Лили молчала. Управляясь с рулем одной рукой, она медленно и осторожно вела машину по проселочным дорогам, ныряя в полосы тумана. Она закурила сигарету, выдохнула дым за окно и спросила:

- Кого успел увидеть?
- Трех мудрецов. Свою мать.
- Я ее видела на этой неделе. Ты ведь знал, что она не ходит на работу. Поссорилась с твоим дядей из-за младенца Кэдди. Хэмп был стариком с причудами. Ребенок черный, и он не хотел его признавать. Знаешь, что сказала ему твоя мать?
- Догадываюсь.
- Она сказала, что Элвис Пресли любил ходить на танцы черных в Дельте и что он стал бы черным, если бы у него был выбор.
- Да, это на нее похоже.
- Она говорила, что случилось с Кэдди?
- Меня это не интересует.

- Мозги снесло от наркотиков.
- Не моя проблема.
- Господи, Квин, а ты ожесточился.
- На определенном этапе жизни людей надо оставлять в покое. У каждого своя стезя.

Куда ты меня везешь?

– Понимаешь, многие хотят с тобой повидаться, – произнесла Лили, бросая окурок сигареты в ночную мглу. – Бум не собирался пропускать похороны. Между нами, у него масса проблем, и кто осудит его за это после всего, что он прошел. Но я верю, что с ним будет все в порядке.

– Какую руку он потерял?

– Правую, – ответила Лили. – Знаешь, в Уолтер-Риде ему помогли адаптироваться. Он может водить машину, но не хочет. По какой-то причине не желает садиться за руль.

Они свернули на шоссе 9W и затем на проселочную дорогу, сделав крутой вираж, чтобы попасть в вытянутую долину. Фары высветили коров, щиплющих траву, и длинный участок колючей проволоки, укрепленной на стойках из обрубленных кипарисов. Лили вела машину на запад, к перекрестку дорог, и затормозила у темного дома. Дядин дом представлял собой двухэтажную постройку белого цвета, сооруженную в 1890 году прадедом Квина, суровым фермером, застрелившим человека ради обладания ручьем.

– Мне нравился твой дядя.

– Он понимал, что ты слишком хороша для этого места.

– Квин, он не убивал себя.

– Черт возьми! – воскликнул Квин. – Ты полагаешь, что надо сомневаться каждый раз, когда кто-то сует себе в рот ствол пистолета? Какова официальная версия? «Он чистил оружие»? Я знал парня, в сущности подростка, который не раз попадал в детскую колонию и, очевидно, не поддавался исправлению. Он покончил с собой в кабинке туалета. Много людей чистят оружие, сидя в сортире? Не надо щадить мои чувства. Я не религиозен и не верю, что он будет гореть в аду.

– Ты помолчишь, чтобы я могла объяснить?

Квин кивнул.

– Джонни Стэг нашел тело, – сказала она. – Тебе известно, что он входит сейчас в группу расследования?

Квин продолжал молчать. Джонни Стэг являл собой живой пример выходца из социальных низов. Он пробился наверх из провинциальной глуши. Этот тип, которому сейчас за пятьдесят, а то и все шестьдесят, начал с того, что использовал в своих целях заброшенный дом престарелых, заставив стариков в обмен за свое покровительство отписать ему их фамильные земли. Говорят, Стэг таким образом обратил себе на пользу пол-округа, действуя с весьма респектабельным видом крайне беззастенчиво.

– Он назначил домашние похороны, чтобы заполучить тело, – пояснила Лили.

– Что еще ты смогла сделать?

– Я видела твоего дядю мертвым. Место преступления превратилось в сплошной бардак, все было затоптано. Должно быть, пригласили представителей властей штата.

– Какое это имеет значение?

– Пока мы не знаем, – ответила она. – Уэсли назвал это несчастным случаем и сказал, что дальнейшие вопросы лишь повредят репутации Хэмпса.

– Возможно, он прав.

– Я выяснила, что кольт 44-го калибра не обнаружили, а точка входа пули для слепого не имеет значения.

– Ты настоящий друг, – поблагодарил Квин. – Но ведь мой дядя не был похож на Иисуса Христа.

– Разве я это говорила?

Лили вылезла из «чероки». Она выглядела высокой и спортивной в голубых джинсах и гладкой коричневой форменной куртке. Поднялась по ступенькам дома и поманила рукой Квина. Открыла входную дверь и разорвала ленту, огораживавшую место преступления.

– Я вернусь сюда завтра, – сказал Квин, не вполне уверенный в том, что хочет видеть кухню, где умер старик. Он знал, что в человеке много крови, а кровь не просто масляное пятно на поверхности земли и обязательно должны остаться следы.

– Пользуйся, – сказала Лили, держа на ладони ключ. – Теперь это твое.

– Заедешь еще?

– Все, что у него было, он оставил тебе. Мама не сказала тебе об этом?

Лили Верджил передала Квину ключ. Квин покачал головой и подошел к входной двери.

Глава 3

На грузовике Лена доехала до целлюлозно-бумажного комбината, на окраине Иерихона, где надеялась найти Джоди. На стоянке Ребел-Трак у 45-го шоссе она встретила пожилого седовласого мужчину, который сказал, что будет рад довезти ее до города. Мужик вел себя по-отечески и простодушно, пока не стал в промежутках между переключениями скорости поглаживать ее худенькую коленку. Лена принялась жаловаться на утреннюю тошноту и диарею, тогда он убрал свои шишковатые пальцы, но продолжал пялить глаза на ее черный топ до тех пор, пока не выпустил из кабины. Остаток пути Лена шла пешком. Хождение пешком способствовало сосредоточенности, здравомыслию и результативности ее поисков Джоди для выяснения того, почему он ее бросил, пообещав перед этим вернуться, когда заработает немного денег и все поправит.

Дорога четверть мили вилась среди строений комбината, – пахло как в уборной. Лена вышла к офису компании, представлявшему собой разбитый трейлер, стоящий на бетонных блоках. На стук никто не ответил, и она направилась к рифленому оловянному сооружению с трубами, выдыхающими отравленный воздух. Лена прикрыла рот платком. Вскоре она заметила трех парней, перекусывающих во время перерыва. Они сидели на бетонных плитах и ели гамбургеры из закуской «Соник драйв-ин», отводя глаза от ее длинных ног и выпирающего живота.

– Вы знаете парня по имени Джоди?

Упершись руками в бедра, она рассказала о нем подробнее.

Парни мотали головой.

– Я слышала, что он здесь работал.

Девушка прибавила к своему описанию новые подробности: длинные светлые волосы, лопоухий, с ямочками на щеках. Сообщила, что у него татуировка на левой руке в виде какого-то китайского иероглифа.

– Есть парень, который стал работать вместе с нами два месяца назад, но он не похож на Джоди.

– Как его зовут?

– Бут. Чарли Бут.

– Он здесь? Я могу его увидеть?

Один из парней долго жевал гамбургер, прежде чем ответить, другие переглядывались с ухмылками на запачканных лицах.

– Думаю, – сказал он, – Бут еще в тюрьме. Он продавал наркотики черным. Этого можно ожидать и от вашего дружка, мисс?

Парни глупо захихикали.

Лили высадила Квина у мотеля «Отдых туриста», где он сел в свой пикап и поехал в сторону привокзальной столовой на краю площади. Там за столом сидела компания старых фермеров. Ворча и кашляя, они курили сигареты, обсуждали урожай и события местной политической жизни. К их резиновым сапогам пристали грязь и фрагменты коровьих лепешек, а кожа выглядела пергаментной. Фермерам не нравились цены на скот и то, что дождь погубил урожай хлопка. Квин заметил, что их побитые пикапы стоят снаружи, как лошади у коновязи.

Официантка, немолодая женщина, принявшая флаг с гроба Хэмптона, вновь наполнила их толстенные чашки кофе и прошаркала на кухню, чтобы вынести Квину порцию деревенской ветчины и яйца.

Квин представился. Официантка сказала, что ее зовут Мэри.

Мэри была женщиной среднего роста и комплекции, с выцветшими голубыми глазами и волосами, выкрашенными в неестественный коричневый цвет. Она выглядела так, как и десятки других женщин. Единственное, что отличало ее от них, – это исходивший от нее резкий аромат духов, который перебивал запах бекона и сигарет.

– Ваш дядя хранил в семейной Библии газетные вырезки, касающиеся вас.

Квин кивнул, отрезал кусок подсоленной ветчины и положил его между галетами.

– Вы нашли его собаку?

– Не знал, что она была у него.

– Пса зовут Хондо, – пояснила Мэри. – У него один глаз голубой, другой – желтый.

– Вам нужна эта собака?

– Нас с Хэмпом не связывал гражданский брак.

– Простите, – извинился Квин, – я просто думал, что вы хотите ее взять.

– Хороший пес, – продолжила она. – Мне он определенно нравится.

– Я позабочусь о нем.

– Вам налить кофе?

Она отошла, стараясь скрыть навернувшиеся на глаза слезы.

На старой деревянной панели висели фото команд Малой лиги, бывших чемпионов по футболу, покойных городских руководителей вместе с некрологами, а также рекламные фотографии знаменитостей, которые, бывало, останавливались в Иерихоне, в основном музыканты округа или телеведущие. Но Квин слышал, что однажды в городе останавливался Джонни Кэш. В то время, прежде чем местом встреч местных жителей стала привокзальная столовая Филлина, городская закусочная располагалась на площади. Квин незаметно для себя привстал, стараясь найти фото Кэша в длинном ряду снимков, отражающих события городской истории. Некоторые из них были связаны с ним самим. Например, история, рассказанная газетой Мемфиса о десятилетнем мальчике, который в одиночку прожил две недели в лесу, после того как потерялся на охоте. Газетный заголовок гласил: «ДЕРЕВЕНСКИЙ МАЛЬЧИК ВЫЖИЛ». Квин увидел юного самого себя, стоявшего между отцом и дядей. Дядя Хэмп был одним из тех, кто искал его в лесах, раскинувшихся на тысячу миль, где Квин занимался рыбной ловлей, охотой, разжигал костры и продолжительное время считал, что весь мир провалился и сохранилось только пространство, в котором он жил. Вторая газета за 1990 год писала: «Потерявшийся местный мальчик нашелся».

Вернулась Мэри и, вынув из кармана фартука пачку сигарет, быстро прикурила одну из них от розовой зажигалки «Бик». Она отгоняла рукой дым сигареты и наблюдала, как Квин садится за стол. Когда Мэри увидела, как он берет второй бутерброд с ветчиной, ее взгляд приобрел почти материнскую нежность.

– Вы нашли его оружие?

– Нет еще.

– А как насчет его кольца?

– Полагаю, он в офисе шерифа.

– Хотелось бы, чтобы он исчез. Вы сделаете это для меня?

– Сделаю.

Мэри взглянула через плечо. Старики смотрели на нее, ожидая, что она вернется на кухню и принесет их бесплатный кофе. Но она докуривала сигарету с таким видом, будто ей на все наплевать, хотя по ее лицу можно было предположить, что она находится на грани нервного срыва. Затем оно вдруг сделалось спокойным.

– Вы видели его в последний час?

– Нет, сэр, не видела.

– Он снова ушел в запой?

– Не замечала, чтобы он прекращал пить, – заметила она. – Этот мужчина конечно же любил виски.

– Но не злоупотреблял?

Мэри замотала головой:

– Меня поразило то, что удивило бы и вас. Вам известно, что он обещал взять меня с собой в путешествие в Мексику? Прежде мы ездили вместе лишь до Билокси и Туники.

– Он жаловался на что-нибудь?

– Мы не делились личными проблемами, – произнесла она, качая головой. – Нас связывал только секс.

– Вы что-нибудь от него требовали?

Мэри покачала головой и слегка улыбнулась, гася сигарету.

– Этот дом доставит неприятностей больше, чем он стоит. Вы знаете размер долга Хэмптона?

– Что-что?

– Ваш дядя взял кредит под залог земли.

– Он обанкротился?

Мэри пожала плечами.

Звякнул колокольчик. Через стеклянные двери вошла пожилая чета. Мужчина и женщина заняли место возле обогревателя, чтобы согреть старые кости. Старик помог жене снять шерстяной жакет и подождал, пока она сядет. Мэри бросила сигарету в оловянную пепельницу и взглянула в сторону кухни. Предвиделся заказ.

– Какой банк?

– Не было никакого банка, – пояснила она. – Он занял деньги у Джонни Стэга. Вы знакомы с Джонни?

– С тех пор как я в городе, уже второй раз слышу имя этого сукина сына.

– Квин Колсон.

– Уэсли Рут.

– Не пора ли мне выписать ордер на твой арест?

– Срок давности прошел.

– Разве не ты угнал пожарную машину? – спросил Уэсли, смеясь. – Признайся, гарантирую, что это останется между нами.

– Кажется, у меня был помощник, – тоже улыбнулся Квин и пожал руку друга.

Уэсли мощной струей воды отмывал от грязи шины пикапа шерифа. На передних дверцах машины еще сохранялось имя прежнего шерифа. Он поочередно поднимал ноги, счищая с подошв ботинок грязь и рассказывая Квину, что последние четыре часа провел, разыскивая группу подростков, которые вломились ночью в магазин мистера Варнера и похитили десять фунтов мяса для гамбургеров, несколько булочек, кетчуп и четыре галлона сладкого чая.

– Я колесил по окрестностям, пока не почувствовал запах гамбургеров, потом пошел в лес, где они устроили пикник. Меня даже пригласили присоединиться к пиршеству.

– Ты предъявил им обвинения?

– Посадил в камеру, чтобы сбить с них спесь, – сказал Уэсли. – Пусть мистер Варнер решает, что с ними делать. Дверь они повредили не очень сильно. Один из парней либо слабоемкий, либо принял дозу.

– Я слышал, ты выполняешь обязанности шерифа.

– И ты поверил в эту чушь?

– Ты бы прекрасно справился.

– Тебе нравится начальствовать? – спросил Уэсли. – Лично я убежден, что это дрянное дело.

– Я сержант. Имел под командой сорок юнцов, которые считали меня стариком. Именно со мной связывались, когда их задерживали за вождение в нетрезвом состоянии или за драку.

– Никогда не думал, что кому-нибудь из нас исполнится тридцать, – произнес Уэсли с легкой улыбкой.

– Хэмп говорил, что я никогда не повзрелею, если не выберу свой путь.

– Как в знаменитой песне *Мама Tried*, – вспомнил Уэсли. – Твой дядя был хорошим мужиком, Квин. Искренне соболезную.

– Тебе что-нибудь известно о его собаке?

Уэсли домыл последнее колесо, выключил мотор, свернул шланг, затолкал промывочный аппарат в гараж и запер на замок ворота. Кивнув, он сказал:

– Не видел Хондо всю неделю. Прошлой ночью выходил, чтобы найти его.

– Ты продвинулся в этом деле?

– В каком деле?

– В расследовании того, что случилось с дядей.

Уэсли, такой же высокий, с бычьей шеей, каким был тогда, когда играл в школьной футбольной команде вместе с Квином, а затем два года в команде «Оле Мисс», обнял приятеля за плечи и повел в офис шерифа.

– Найдено немного.

– Может, что-то связанное с его должностью?

– Он не из тех, кого ненавидели, Квин.

– Однако он был шерифом. Могли быть недовольные.

– Приглашаю тебя поискать их. Но я там был, Квин. Он не собирался этого делать. Знаю, что ты встречался с Лили, знаю, что она занимается этим всерьез.

– Была какая-нибудь записка?

– Он объяснился.

Квин кивнул и вошел в учреждение, где из кабинета в кабинет ходили посетители и помощники шерифа, а секретарь занималась приготовлением кофе и отвечала на телефонные звонки. Он заметил Леонарда и Джорджа, двух помощников своего дяди еще с тех пор, когда Квин десять лет назад уходил служить. Квадратная голова Леонарда, подстриженная под «ежик», поднялась от бумаг. Он жестом поприветствовал Квина.

– Как Мег? – спросил Квин.

– Бросила меня ради страхового агента из Джексона.

– А как ваш сын?

– Встречаюсь с ним по выходным.

– Выглядишь неплохо.

– Черт возьми, а я выгляжу толстым! – воскликнул Уэсли Рут, потирая бритую голову.

– Вас проверяют на этот счет?

– Еще как проверяют.

– Ну и дела...

– Рад видеть тебя, Квин, – сказал Уэсли, снова обнимая приятеля. – Как насчет того, чтобы выпить сегодня вечером?

– У меня много дел. Только что я узнал, что дядя занимал деньги у Джонни Стэга.

– Не очень приятная новость.

– И заложил ферму в счет долга.

– Забудь про это. Лучше пойдем в низину, постреляем броненосцев.

– Я слышал, что дядя обанкротился. Это правда?

– Все свободное от работы время он проводил в казино Туники, – сообщил Уэсли. –

Ладно, закончим на этом.

Квин кивнул:

- Я зайду к тебе.
 - Ты видел Анну Ли? – спросил Уэсли, улыбаясь так, словно собирался сказать скабрёзность.
 - Школьная жизнь давно закончилась.
 - Хочешь повидаться с Бумом?
 - Он следующий в очереди.
- Уэсли покачал головой и поплелся к двери следом за Квином.
- У него, брат, супермаркет. Два дня назад Бум попал в историю. Дай ему немного времени прийти в себя.
 - Что он сделал?
 - А что Бум делает всегда?
 - Ничего не делает.

Глава 4

Бум Кимбро сидел на пластмассовом детском стуле, почти сокрушив его своей массой. Его взгляд не фокусировался на чем-либо в тюремном дворе. Небольшой участок земли был окружен заграждением из колючей проволоки. Здесь не на что было смотреть, кроме как на голые деревья и пологие пожухлые холмы вдоль ленивого течения Большой Черной реки. Бум не мог слышать, как вошел Квин, которого Уэсли, открыв ворота, впустил внутрь. Когда же Квин приблизился на два фута, Бум просто произнес:

– Что случилось, Квин?

Квин взглянул сверху вниз на массивные плечи и затылок друга. Вокруг шрама у основания черепа волосы росли неровным ворсом. Несмотря на то что на улице было не выше нуля градусов, одет он был только в несвежую нижнюю рубашку, расстегнутую на груди, и светло-оранжевые брюки арестанта. В последний раз, когда Квин его видел, Бум тренировал полузащитников команды школы, в которой они прежде учились, и гордился тем, что получал дополнительную плату за службу в Национальной гвардии. Несколько лет назад Бума послали в Ирак для охраны транспортных колонн, где он пострадал от взрыва самодельного взрывного устройства и некоторое время провел на лечении в госпитале Уолтера Рида.

Обойдя Бума, Квин увидел, что у него осталась лишь левая рука. Черную щеку пересекал сморщившийся шрам. У него были ввалившиеся усталые глаза, шнурки армейских ботинок развязаны.

– Я пожму твою руку, но левую.

– Чем ты занимаешься? – спросил Квин.

– Чиню кувалдой счетчики оплачиваемого времени на автостоянке.

– Одной рукой?

– Разве я могу по-другому?

Эта единственная рука была массивнее той, что Квин помнил прежде. С мощным предплечьем и бицепсами, на которых проступали крупные вены. Квин предположил, что рука увеличилась, выполняя двойную работу.

– Хочешь выйти отсюда?

– Как? Я не смогу оплатить залог.

– Я оплатил его.

– Знаешь, это уже другое дело, – сказал Бум. Он оторвал взгляд от реки и взглянул в глаза Квину в поисках чего-то, внушающего сомнение. Бум часто делал так.

Квин протянул ему свою левую руку.

– Ты веришь, что Уэсли стал шерифом? – спросил Бум.

– Исполняющим обязанности шерифа.

– Кто его заменит? Лили?

– Она говорит, что не хочет быть шерифом. Кто-нибудь придет ему на смену.

– Да поможет Господь сумасшедшим и детям.

Квин ехал на север вдоль берега реки, а затем резко повернул на запад в район пастбищ и обширной задымленной территории целлюлозно-бумажного комбината. Проезжая мимо «Квик-Марта» Варнера, он остановился и купил Буму пару хот-догов и кока-колу. Расспросив Бума о взломе, он продолжил путь, пока они не выехали на проселочную дорогу, ведущую к старой ферме. Деревья за широкими пространствами невспаханной земли выглядели темными безжизненными скелетами.

– Как Афганистан?

– Райский сад, – ответил Квин.

- Знаешь, я каждый божий день просыпаюсь и воображаю, что все еще нахожусь там.
- Мои сны в ночном видении – зеленые. Это не признак болезни?
- Довольно скверная болезнь, – отозвался Бум. – Ты когда возвращаешься?
- Может, и не вернусь, – сказал Квин. – Я либо поступлю на военную службу, либо стану

инструктором по подготовке рейнджеров.

- В то время как твои парни будут участвовать в боевых операциях.
- Да.
- Ты стареешь, Квин.
- Да, старик, в двадцать девять лет.
- Твой член еще работает?
- В последний раз не подвел.
- Отлично, это тебе пригодится.

Бум наклонился и улыбнулся, когда Квин снизил скорость и въехал на гравийную дорожку, ведущую к белому, сверкающему жестяной крышей старому фермерскому дому. Они оба медленно выбрались из кабины. Бум бросил скомканную фольгу от хот-дога в большую кучу мусора рядом со ступеньками перед входом в дом.

– Дом пришел в упадок после смерти моей тети. Мать говорит, что Хэмп совсем его забросил.

- Это форменное безобразие.
- Внутри еще хуже, – заметил Квин.
- Для чего ты меня сюда привез?
- Я же говорил, что заплачу тебе, если поможешь.
- Ты говорил?

Квин распахнул дверь, почуяв тот же самый неприятный запах, что и прошлой ночью, тот же смрад, что заставил его и Лили убраться во двор, заперев за собой дверь. Они решили обследовать по комнате за каждое посещение. Гостиная была обставлена изъеденной мышами мебелью, везде стояли коробки со старой одеждой и тряпками, не имеющими никакой ценности. Затхлая одежда, вышедшая из моды несколько десятилетий назад. Джинсовые костюмы, мужские белые сорочки, пожелтевшие от никотина. Тут же лежали кипы газет и древесные отходы, груды штор и свернутые ковры. Мужчины сложили ненужные вещи в поле подальше от дома, и Бум направился к одному из старых сараев за керосином или соляркой, чтобы разжечь костер.

В одном из чемоданов Квин обнаружил старые семейные фотографии и выложил их на кухонный стол. Также в комнатах было полно оружия, повсюду это чертово оружие. Хэмптон хранил пистолеты в подушках своего дивана, на книжных полках, пистолет 38-го калибра лежал даже на крышке сливного бачка в туалете. Здесь было много коробок с патронами, сувениры и медали из Кореи, потускневшие за десятилетия награды за службу в полиции.

Бум разжег костер, и клубы серого дыма, извиваясь, устремились в красноватое сумрачное небо. Квин обнаружил в доме в общей сложности двадцать четыре пистолета, а также карманные часы, принадлежавшие прадеду, битый хрусталь и фарфор, горы старых книг и пластинок, которые он собирался рассортировать позже. Еще он нашел Евангелие и много записей Джорджа Джоунса и Чарли Прайда. Чарли Прайд напомнил Квину о дяде. Его песни всегда звучали, когда они собирались за ужином.

Раскопал Квин и две бутылки старого виски, которые Хэмптон хранил до лучших времен или, возможно, просто забыл среди хлама. Бирка на одной из бутылок гласила: «Счастливого Рождества. От семейства Стэгов».

Квин раскупорил зубами бутылку и достал из шкафа коричневую куртку дяди, ту самую куртку, которая была на Хэмпе в день, когда Квин потерялся в лесу. Бум бродил у костра неук-

ложей тенью, держа в руке совок и наблюдая, как превращается в пепел память десятилетий. Квин вручил бутылку Буму, и тот, прочитав бирку в свете костра, одобрительно кивнул.

- Мой надзиратель говорил, что эта штука – корень всех моих проблем.
- Тебя слишком сильно тряхнула жизнь.
- Ценю за то, что ты меня не осуждаешь.
- Пока ты отвечаешь мне взаимностью.

Порывистый ветер толкал их в спину, свистел в ушах. Бум сделал продолжительный глоток и вернул бутылку Квину. Они пили, пока ночь не опустилась над фермой. Стало холодать, температура воздуха резко падала. Квин был благодарен дяде за теплую куртку и костер. Мелькнул в огне лоскут старого цветастого платья, которое, как он хорошо помнил, тетя надевала на один из его дней рождения. Ткань зашипела, обратилась в оранжево-голубое пламя и исчезла.

Часом позже на гравиевую дорожку въехал большой грузовик. Лучи его фар осветили дом и примыкающее поле. Из кабины вышли двое неизвестных. Квин и Бум переглянулись. Квин передал Буму полупустую бутылку и направился к грузовику.

Пока две плохо различимые фигуры стояли в приглушенном свете фар, Квина пронзило знакомое ощущение своей обнаженности и уязвимости. Ему хотелось иметь при себе оружие, желательно его М-4, но эта мысль тотчас его смутила. Одна из фигур выступила вперед, и даже на расстоянии, несмотря на прошедшие годы, он узнал резкие черты лица Джонни Т. Стэга.

– Рад видеть тебя, парень, – сказал тот, протягивая маленькую руку. – Думаю, нам нужно обсудить сложившуюся ситуацию.

Джонни Стэг происходил из семьи обитателей холмов, самогонщиков, нечистоплотных фермеров, которые чурались общества. У них всех была одинаковая ярко-красная кожа и кривые зубы, побуревшие от мутной колодезной воды. Стэг отличался небольшим ростом, он не доходил даже до плеча Квина. На его лице играла постоянная улыбка, как у человека, ежесекундно радующегося жизни или находившего мир забавным. Квин из вежливости пожал протянутую руку, ожидая от Стэга подвоха. Его волосы были зализаны назад, и от него исходил запах дешевого крема после бритья и сигарет. Темный костюм сидел на нем плохо, на лацкане Стэг носил булавку в виде американского флага. Своего спутника он представил как брата Дэвиса, пастора его церкви.

– Брат Дэвис присутствовал на похоронах Хэмпса, но у него не было возможности выступить, – сказал Стэг. – Он полагает, что мы оба дадим ему сейчас шанс, хотя бы на короткую проповедь.

У брата Дэвиса была морщинистая кожа и золотые зубы. Из-за мутных линз очков глаза его глядели смущенно и виновато.

– Хотите выпить? – предложил Квин, протягивая бутылку Стэгу.

Стэг втянул щеки, улыбка на его лице исчезла и опять появилась.

– Нет, я больше не переносу этого.

– Что же вы продаете на автостоянке? – спросил Квин. – Порошок Kool-Aid?

– Я больше не имею с этим ничего общего, – возразил Стэг. – Я продал этот бизнес два года назад.

Стэг снова улыбнулся. Брат Дэвис тоже.

– Да благословит вас Господь, – сказал Квин, подходя к другой куче барахла и бросая в кузов пикапа очередную вещь.

Стэг последовал за ним, продолжая говорить. Он словно не усматривал оскорбления в том, что Квин повернулся к нему спиной. Куча барахла состояла большей частью из туфель и спецодежды, выпусков журнала Field and Stream и лоскутов фланели, которыми Хэмп затыкал дыры в стенах дома.

– Не хотелось бы, чтобы ты услышал это от адвоката, – продолжил Стэг, все еще посмеиваясь.

Квин бросил в кузов новую порцию тряпья и остановился, чтобы выслушать его.

– Твой дядя задолжал мне много денег за этот старый дом. Некоторое время назад я оказал ему кое-какие услуги, но он так и не вернул долг. Сожалею, но я не хочу разориться на этом деле.

– Он оформил передачу земли?

Стэг взглянул на брата Дэвиса, и пастор улыбнулся, обнажив золотые зубы.

– Бумаги со мной, – объяснил Стэг, передавая документы Квину.

Тот взял их и в свете фар стал изучать юридический документ, выглядевший так, словно его печатала обезьяна. Примерно три параграфа и закорючка Хэмптона внизу.

– Здесь кредит, – сказал Квин. – Вам придется доказать, что он не оплачен.

– Я полагал, что мы сможем обойтись без всей этой кутерьмы, – возразил Стэг. – Юристы лишь выхолостят все. Ты вернешь мне бумагу?

– Нет, – сказал Квин, сложив документ и сунув его в карман куртки. – Я покажу это своему адвокату утром.

Лицо Стэга осветил блуждающий огонек кривоизогнутой улыбки.

– Всегда одно и то же. Пожалуйста, верни.

– Ты пришел в дом дяди через день после его похорон с каким-то грошовым пастором, чтобы отнять у меня землю, которой владело несколько поколений моей семьи. Неужели ты думаешь, что я буду смиренно сидеть и молиться? Убирайся отсюда.

– Между нами была заключена сделка, – возразил Стэг. – А этот человек – священнослужитель.

– Мне известно, кто он, – сказал Квин. – Он очищал выгребные ямы во времена моего детства.

Брат Дэвис нахмурился и облизнул губы.

Бум подошел к Квину и молча встал рядом.

– Продолжим, Квин.

– Можешь поступать, как тебе заблагорассудится, – заявил Стэг. – С бумагами или без них, но твой дядя задолжал мне крупную сумму денег на закупку машин и личные цели. Аренда одного только гусеничного экскаватора стоит две тысячи долларов в неделю.

Квин кивнул и занялся работой. Стэг метнулся назад к машине, пастор последовал за ним с наглой ухмылкой на лице. Бум не отрывал взгляда от горящей кучи хлама, пока она не исчезла.

– Нам придется пробыть здесь всю ночь? – спросил Бум.

– Вроде того.

– У твоего дяди была еще одна бутылка?

– Мы эту еще не прикончили.

– Надо думать на два хода вперед. Разве не рейнджеры прокладывают путь?

Бутылка закончилась вскоре после полуночи. Большая часть ее содержимого досталась Буму, который лежал на спине рядом с костром, глядя в небо. Они долго молчали. Квин привык к продолжительным периодам молчания и ожидания, привык к разным звукам, умел различать их. Последние несколько лет черт знает что сделали с его слухом. Когда устанавливалась мертвая тишина, он мог слышать пронзительный и напряженный свист. Он напрягался в ожидании артиллерийского огня и взрывов, в ожидании мощного рева вертолетов перед их отрывом от песчаного грунта и посадкой в горах или на краю горной деревни.

Квин бросил пустую бутылку в огонь, присел на корточки и порылся палкой в горячих углях. Заговорил Бум. Квин с удивлением услышал его голос.

- Хочешь, Расскажи мне об этом?
- Тебе интересно? – спросил Квин.
- Просто я думал, что ты не появишься в этом городе снова.
- Пока кто-нибудь из близких не умрет.
- Даже в этом случае.
- Ты что хочешь знать?
- Что тебя злит?
- Меня ничто не злит.
- Хорошо. Значит, ты разыгрываешь роль.
- Не разыгрываю, – возразил Квин.
- Вижу, ты тоже получил «Пурпурное сердце»¹.
- Меня ранили. Но рана незначительна. Моя проблема с армией не имеет к этому ника-

кого отношения.

- В чем же проблема?
- В полку считают, что я слишком стар, чтобы штурмовать крепости.
- Тебе не придется служить рейнджером.
- Между тем это все, чего я хочу. Меня волнует только служба в регулярной армии.

Последние несколько тычков веткой в костер обрушили холмик пепла. Квин поискал вокруг новые ветки и упавшие стволы кипариса для поддержания огня. Затем снова присел на корточки, чтобы погреть руки.

- Как тебя ранили? – спросил Бум, вытягивая ноги.

– В рукопашном бою с правоверным, прятавшимся в скалах рядом с местом нашей высадки с вертолета. Он прыгнул мне на спину с криком: «Аллах акбар!» Я собирался нейтрализовать подонка, схватив карабин М-4, когда он заорал: «Бомба!»

- На английском?
- На чистом английском.
- Забавно, как мы пользуемся словом «нейтрализовать». Звучит изысканно.
- Да.
- Ты сделал это?
- Что?
- Нейтрализовал этого идиота?

Квин помешал угли в костре и кивнул:

– Да, но он успел выстрелить в меня тоже, пока мы боролись за ту гранату. А что произошло с тобой?

- Со мной все случилось во время прохождения конвоя в окрестностях Эль-Фаллуджи.
- То есть?

– Чего там рассказывать. Паршивое состояние, когда видишь свою руку на дороге отдельно от себя. Голова работает совершенно по-другому.

Бум зашелся истерическим смехом.

- Будь оно проклято, Бум. Сожалею.
- Не надо, дружище, – ответил тот. – Знаешь, о чем я жалею больше всего?

Квин подождал ответа самого Бума.

– О том, что не мог нейтрализовать всех этих негодяев, – пояснил тот. – Мне неплохо удавалось защищать своих парней, сопровождая конвой с пулеметом в руках. Я любил это дело.

- Выполнял то, к чему тебя готовили.

¹ «Пурпурное сердце» – военная медаль США, вручаемая всем американским военнослужащим, погибшим или получившим ранения в результате действий противника. (Здесь и далее примеч. пер.)

Собеседники на время замолчали. Среди северных холмов слышался вой койотов, небо оставалось ясным и чистым. Квин сел и, глядя на костер, на горячее ровное свечение углей, заснул. Когда проснулся через некоторое время, Бум лежал на земле без движения. Квин попытался растолкать его, но Бум не шевелился. Квин попробовал поднять на ноги своего друга, а не сумев, перекинул его через плечо и понес на холм как раз тогда, когда первые слабые проблески света показались над мертвыми деревьями. По гравиевой дорожке пробежала к порогу дома поджарая пастушья собака. Она ждала, когда Квин откроет ей дверь.

Пес задрал морду, изучая Квина двумя разноцветными глазами.

– Здорово, Хондо, – сказал рейнджер.

Глава 5

Судья Блэнтон проживал в северо-восточном уголке округа Тиббеха, как раз у деревушки Карфаген, примерно в пяти милях от автостоянки Ребел-Трак. Квин помнил окружную дорогу, по которой можно было проехать к дому судьи, совершенно чистой и свободной от машин. Ребенком он ездил по ней на лошадях. Теперь дорога была забита трейлерами, в которых жили мексиканские рабочие, черные бедняки и еще более бедные белые. Однажды ему показалось, что он въехал на запретную территорию округа. На многие мили тянулся девственный лес, принадлежавший судье, уходил далеко к северным холмам, где мальчишкой потерялся Квин. Он удалился тогда от стоянки охотников и пошел бродить по бескрайнему лесу. Плутал темной ночью по тропам, где обитали койоты и змеи. Но вскоре приспособился к обстановке, овладел ситуацией и поборол свои страхи.

Раньше на участок судьи можно было проехать по дороге беспрепятственно, но теперь Квину пришлось остановиться у запертых ворот загона для скота и сбросить запирающую ворота цепь. Подъехав ближе к простому одноэтажному дому, Квин заметил два грузовика и легковую машину на подъездной дорожке. Два питбуля выбежали ему навстречу. Когда Квин вылез из кабины, они забегали вокруг него, ощетиниваясь и рыча, пока из конюшни не вышел старик и не отозвал их свистом.

Невысокий и жилистый, судья Блэнтон весил, вероятно, не более сотни фунтов. Но он заслужил репутацию одного из самых строгих членов окружного суда. Позднее, перед отставкой, Блэнтон заседал в Верховном суде штата. В молодости служил морпехом в Корее – участвовал в боях при Чосинском водохранилище – и был наставником дяди Квина. У судьи немного отвисла кожа под подбородком, но он продолжал носить уставную короткую стрижку.

На открытую веранду дома вышли мистер Джим и Лютер Варнер. Они махали руками Квину в знак приветствия, пока те обменивались с судьей рукопожатиями. Квин вместе с судьей поднялся на веранду. Старики были в теплых куртках и ботинках. Они пили кофе и курили сигары. Лютер Варнер, долговязый и угловатый, с длинными костлявыми пальцами, передал Квину сигару, завернутую в целлофан. Мистер Джим защелкал своей старой зажигалкой «Зиппо», чтобы дать ему прикурить.

Рядом с мистером Джимом на столе лежала зачитанная Библия. Квин решил, что он преврал своеобразную беседу этих людей, регулярно собиравшихся по субботам, чтобы поговорить о политике, религии и женщинах.

- Прошлой ночью меня посетил Джонни Стэг, – сообщил он.
- Приятная новость, – заметил Блэнтон.
- Говорит, что он является собственником земли моего дяди.
- Чем он это подкрепляет? – спросил Варнер.

Квин развернул самодельный документ, который ему передал Стэг, а Блэнтон вытащил из своей выдавшей виды прорезиненной куртки очки. Он быстро пробежал взглядом по строчкам, сложил листок и возвратил Квину. На веранде сильно дымили, но резкий холодный ветер развеивал дым.

- Понимаю, что ты не это хочешь услышать, но я видел в суде документы и похуже этого. Квин кивнул в знак понимания.
- Он может побить тебя этим, – заметил Блэнтон, щурясь на яркий свет. – Даже без контракта. Все знают, что твой дядя играл с этими машинами, как ребенок в песочнице.
- Сукин сын, – выругался мистер Джим, втискивая дородное тело в старое кресло-качалку и стягивая с лысой головы армейскую кепку. – Тебе все известно об этой сделке?

Блэнтон замотал головой.

– Стэг ведь держал эти бульдозеры и экскаваторы на ферме. Он говорил, что позволил Хэмпу использовать их в любое время. Хэмп воспользовался ими прошлым летом, чтобы вырыть пруд для окуней. Он также прочистил в лесу бульдозером несколько оленьих троп.

– Стэг сказал, что дядя брал машины в аренду, – пояснил Квин.

– Это гнусная ложь, – возмутился мистер Джим, качая головой. Сигара в его зубах потухла. – Иначе не скажешь.

– Значит, был всего лишь личный заем, – сказал Квин. – Вы ведь знаете, что дядя посещал казино?

Старики закивали и назвали Стэга сукиным сыном за его ложь относительно машин для земляных работ.

– Стэг утверждает, что завязал с коммерцией, – сообщил Квин. – Говорит, что продал автостоянку и стриптиз-бар.

Варнер засмеялся и прислонился к опорной колонне, затягиваясь дымом и кашляя. Мистер Джим просто покачал головой, встал на мгновение с кресла и плюнул через перила, прежде чем снова сесть.

– Вскоре после того, как ты уехал, – пояснил Блэнтон, – он продал злочное место, но у меня есть сомнения. То самое старое место со шлюхами и карточной игрой, может, официально и поменяло название, но хотя бы частью этого бизнеса он владеет.

– И предложил свою кандидатуру на выборы. Он баллотируется в окружной «наблюдательный совет».

– В округе Тиббеха все продается, – посетовал мистер Джим. – Большинство жителей, которые честно трудились, в могиле.

– Или в отставке, – добавил Блэнтон.

– Ну, я не отдам землю, – сказал Квин.

– Ты мог бы выручить хорошие деньги за это имущество, – поддержал его Варнер, – Стэг хочет землю, но не неприятности.

– Лучше я сожгу дом, – подтвердил свое намерение Квин.

Варнер улыбнулся и посмотрел в сторону мистера Джима. Тот усмехнулся, разомкнув старческие губы, чтобы выдохнуть дым. Он скрестил ноги и с горделивым выражением лица взглянул на сына Джейсона Колсона. Хотя старики и не уважали отца Квина, считая его тем, кем он и был, – пьяницей, который губил все, к чему прикасался.

– Выпьешь кофе? – предложил Блэнтон.

Квин кивнул. Он положил тлеющую сигару в большую пепельницу и последовал за Блэнтонем через заднюю дверь старого дома на кухню. Там у судьи стоял кофейник, подключенный к розетке. Блэнтон налил кофе себе и гостю, затем отправился в зону отдыха, заполненную антикварными вещами, картинами охоты на лис, выполненными на холсте масляными красками, а также огромными старыми часами, доставшимися ему от деда. Квин пошел вслед за ним. Часы зазвенели и пробили восемь часов, потом снова перешли к медленному тиканью.

– Значит, ты собираешься задержаться здесь?

– У меня еще пять дней впереди.

– Посоветовать тебе хорошего адвоката?

– Я рассчитывал на вас.

– Я на пенсии.

– Но вы единственный, кому я доверяю.

– Думаю, я смогу кое-что сделать в городе, чтобы отвести Стэга от твоей собственности.

Рано или поздно это дело попадет к Первису Ривзу.

– Он судья?

– Даже если бы Стэг не способствовал выбору его членом суда, – сказал Блэнтон, – Первис, вероятнее всего, постарался бы найти компромисс между двумя исками. Это его метод

вершить правосудие. Впрочем, я могу свести на нет иск Стэга. Это я тебе обещаю. Возможно, ты сохранишь дом и значительную часть собственности. Хотя тебе придется потерять часть дороги перед домом.

– Ненавижу мерзавца.

– Он не заслуживает твоей ненависти, – сказал Блэнтон. – Ненависть слишком сильное чувство, чтобы тратить его на дерьмо.

Квин потрогал чашку. Кофе немного остыл. Блэнтон подошел к камину с небольшим дымоходом и пошуровал в нем кочергой. Воздух наполнился запахом горящего кедра, приятным и согревающим в холодное, серое утро. Он посмотрел в окошко, на друзей, которые курили, удобно устроившись в креслах.

– Вам известно, что случилось с моим дядей? – спросил Квин.

Блэнтон положил кочергу на металлическую полку и повернулся к нему.

– Лили Верджил не верит, что он покончил с собой.

– Девчонка любит создавать проблемы, – сказал Блэнтон.

– Может, вы видели его, перед тем как это произошло.

– Мы не разговаривали с Хэмпом почти месяц. На наши звонки он не отвечал.

– Вы же были его друзьями! – воскликнул Квин, подавшись вперед в кресле. – Что его так тяжело подкосило?

– Этот округ, – пояснил Блэнтон. – Действовать так, как он умел, как привык, было здесь невозможно. Хэмп винил себя в том, что не мог контролировать ситуацию.

– Неужели все так плохо?

Блэнтон стал застегивать куртку, кивком указав на веранду. Квин последовал за ним к выходу, дневной свет усиливался, но теплее не становилось. Блэнтон обнял Квина за плечи.

– Тебе известно, что мне приходится спать ночью с запертыми дверями и с пистолетом под подушкой?

– И двумя злыми собаками.

– Учитывая обстановку, я желал бы, чтобы они были еще злее, – заметил Блэнтон. – Воры тащат все, что не приковано цепями.

Он взял Квина под руку и повел на веранду.

Там мистер Джим вручил ему еще одну сигару. Но его чертова зажигалка «Зиппо» снова позволила ей затухнуть.

Лена не смогла увидеть парня по имени Чарли Бут до воскресного утра. Это время, когда у сетчатого забора заключенные через проволоку целовались с посетителями и принимали передачи с едой и сигаретами, часть которых с трудом пролезала сквозь небольшие отверстия, местный шериф называл «временем семейных встреч». Караульные внимательно следили за происходящим, озабоченные скорее передачей наркотиков, чем оружия. Лена же сразу заметила Джоди. Он стоял, слишком спокойный по сравнению с другими, с сигаретой во рту, с коротко подстриженными жесткими волосами. Он выглядел более худым и прыщавым, чем был в то время, когда она познакомилась с ним в Алабаме. Сейчас он разговаривал с темнокожим парнем в дальнем углу, оба смеялись. Лена впервые заметила у него на шее татуировку с изображением то ли цветка, то ли волчьей головы и заинтересовалась, где он ее нанес.

Она окликнула его.

Джоди повернулся, но посмотрел мимо нее, будто не узнал. Она надела свое лучшее платье, под стать Майли Сайрус, которое купила в магазине в окрестностях Тускалузы, где остановилась на день-два, потратив свои последние сорок долларов на дешевый мотель. Именно там она узнала, что Джоди уехал из города в богом забытое место Иерихон, в штате Миссисипи. Она встала перед выбором – ехать назад домой или продолжать поиски. Легкий толчок в животе облегчил ее выбор.

Наконец Джоди понял, что зрение его не обманывает. Он прекратил разговор с парнем и подошел к забору, отделявшему его от Лены. Девушка уцепилась руками за проволоку и улыбалась ему, но он скользнул по ней взглядом и тихо произнес:

– Какого черта ты здесь оказалась?

Лена не смогла ответить, слова застряли в горле.

– Тебе нужно вернуться домой, девочка. Я позвоню.

– Черта с два.

Он посмотрел в сторону, и она заметила худобу его щек. Зубы стали более редкими и кривыми. Казалось, Джоди постарел лет на десять. Он потерял потную шею и щетину на исхудавшем лице. Затем сплюнул на бетонный пол и шумно потянул носом.

– У меня будет ребенок от тебя.

– Откуда я знаю, что он мой?

– Ты дьявол, Джоди.

– Заткнись.

– Кто такой этот Чарли Бут?

– Тебе не нужно знать, – сказал он. – Уходи.

– Не веришь, что ребенок твой?! – крикнула Лена. – Имей в виду, я приехала к тебе с пистолетом. Хотя он мне и не понадобится, пока ты взаперти.

– Тебе лучше заткнуться.

– Послушай. – Девушка просунула тонкие пальцы сквозь забор и, ухватив за оранжевый комбинезон, притянула парня к себе. – Что бы ты ни сделал, мне наплевать.

– Я ничего не сделал.

– Мы переживем это.

– О черт!

Некоторое время Лена думала, что Джоди говорит с ней, но затем увидела блеск в его глазах. Позади нее, на парковке у длинных извилистых железнодорожных путей, послышалось какое-то движение. Она повернулась и увидела, как из старого черного «камаро» вылезли два типа. Оба закурили сигареты. Один из них был тощим, как Джоди, другой – плотным и мускулистым. Оба глядели бесстрастно, носили тенниски без рукавов, джинсы обтягивали их до неприличия.

– Кто эти люди?

– Парни из ОПГ, – сказал Джоди, удаляясь. – Уходи. Исчезни. Не нужны мне ни ты, ни твой ребенок.

– Я думала, что ты покончил со всем этим. Джоди! Послушай...

Но он, не оборачиваясь, пошел прямо к караульному, который кивком приказал ему отправляться в камеру. Возвращаясь назад, Лена прошла мимо двух парней. С одним из них, тем, что плотнее, они встретились взглядами. Девушка увидела черные глаза на неухоженном лице со впалыми щеками. Его накачанное тело бугрилось мышцами, как у животного. Волосы парня были зачесаны назад. Он носил тенниску с изображением Капитолия, над которым развевался флаг конфедератов. Надпись на ней гласила: «У меня тоже есть мечта». Парень оглядел Лену и подтянул вверх джинсы, улыбнувшись своему спутнику. Ее обдало резким запахом, который ощущался еще долго после того, как она прошла мимо него. На его затылке, как и у Джоди, виднелась татуировка, сделанная неряшливо, почти по-детски.

Парень стряхнул в траву пепел сигареты и попросил караульного привести Чарли Бута.

Лена оцепенела, а он повернулся, пристально глядя на нее и облизывая потрескавшиеся губы.

Она рванулась к железнодорожным путям и бежала вдоль них, пока не достигла города. Девушка была разбита, опустошена и не знала, куда идти.

– Милый? – позвала Джин Колсон. – Я сказала грибной соус, а не куриную лапшу.

Голова Квина шла кругом, когда он следовал за тележкой в торговых рядах супермаркета, кивая и, казалось бы, соглашаясь со всем, что говорит мать, но не слыша и половины этого.

– Квин?

Джин Колсон смотрела на Квина так, будто он оставался двенадцатилетним мальчишкой, который получит монету в двадцать пять центов на жевательную резинку, если будет вести себя хорошо. Ребенок Кэдди сидел в тележке и тянулся ко всему, мимо чего они проходили.

– Там его нет, – сказал Квин.

– Посмотри лучше.

– Ты ведь ходила в магазин вчера вечером?

– Это – на воскресенье, – пояснила мать. – К нам придут несколько человек после церковной службы. Они хотят повидать тебя, милый. Ты должен соблюсти этикет. Тебе придется угощать гостей.

– Что за люди придут в гости?

– Друзья.

– Видишь, соуса нет.

Она раздраженно передала ему продуктовую тележку. Пока внимание Джейсона было приковано к открытой коробке с фигурным крекером, Квин направился в восьмой ряд, где лежали сухие смеси, специи, сиропы и прочее. Когда Квин выбрал наконец блинную муку, он заметил Лили Верджил. Гибкая и стройная, она прошагала по ряду, поддерживая рукой кобур, пока не поравнялась с тележкой и не схватила ее за ручку. Лили улыбалась Джейсону и забавлялась с ним, щекоча его подбородок и сюсюкая по-детски. Она сказала ребенку несколько ласковых слов, затем взглянула на Квина и спросила:

– Мама отпустит тебя сегодня вечером?

– Что-то еще?

– Тебе нужно поговорить с одним человеком. Он будет общаться только с тобой.

– Прямо сейчас не могу. К нам после церковной службы придут гости, и нужен соус, чтобы приготовить запеканку.

– Он большой милашка, – сказала Лили, указывая на Джейсона. Затем выпрямилась с просветленным лицом, добавила: – Я зайду за тобой.

– В чем дело? – снова спросил Квин.

– А ты как думаешь?

– Я не верю многому из того, что ты говоришь.

– Хороший солдат должен верить тому, что ему говорят.

– Когда ты зайдешь?

– Дай мне полчаса. Мне нужно переодеться.

Квин улыбнулся:

– Не рассчитывай на меня особенно.

– Кто тебе сказал, что я рассчитываю?

Квин, проведя рукой по своим стриженным волосам, покатил тележку дальше. Беспокойство Джейсона росло, поскольку был съеден последний крекер. Ребенок орал не умолкая, пока Квин просматривал ряд с мукой и специями, а затем перебрался через три ряда в отдел круп.

Чтобы прекратить плач Джейсона, Квин взял первую попавшуюся коробку с какой-то кондитерской снедью и открыл ее. Племянник успокоился и улыбнулся Квину широкой благодарной улыбкой. Квин наклонился к нему и ласково потрепал за ухо.

Глава 6

Три трейлера располагались в конце тупиковой дороги, у которой не было даже номера. Это было еще одно поселение на краю деревни под именем «Судьба». Его породил кризис в маленьком анклаве, населенном в основном белыми бедняками. Квин вылез из своего пикапа. За ним последовала Лили, выглядевшая лучше, чем когда-либо на его памяти, в пуловере с треугольным вырезом, темных джинсах и ботинках. От нее исходил аромат духов. Квин пошутил относительно ее стремления наряжаться ради него. Шутка не удалась. Последние три мили Лили хранила молчание, несколько смущавшее его.

Квин постучал в дверь. Лили встала за его спину. Сквозь дверное стекло они увидели большой диван с подушкой и спальным мешком. Раздался шум воды в унитазе, и в комнату вошел, почесываясь, тучный мужчина с «конским хвостом» на затылке. Он был одет в просторный халат и шорты.

Квин снова постучал, и мужчина направился к двери. Щелкнул замок. Хозяин дома ограждал себя от посетителей, хотя сквозь стеклянную дверь он был виден как на ладони.

– Вы искали меня? – спросил Квин.

У мужчины была отвислая челюсть, жидкая борода на скошенном подбородке с сильной проседью и маленькие глазки с крохотными зрачками.

– Входи, парень. Кое-кто хочет с тобой повидаться.

– Что случилось, дядя Вэн?

– Мне есть что сказать! Разве ты не знаешь?

– Ты мог бы зайти к моей матери.

– Чепуха.

– Или позвонить.

– Лили меня остановила и стала задавать вопросы. Я рассказал ей кое-что из того, что можно было сказать, и не касался того, о чем нельзя говорить. Сказал, что о некоторых вещах могу говорить только со своими родственниками. Понял?

Дядя Вэн – младший из братьев Колсон. Отец Квина, Джейсон, был старшим. Средний брат, по имени Джерри, прекрасный человек, обеспечивал себе приличное существование, работая дальнобойщиком. Но все знали именно Джейсона Колсона. Он стал известным каскадером в Голливуде и пропивал все заработанные деньги в Иерихоне. Он ушел из дома, когда Квину исполнилось двенадцать лет. Никто не знал, где он находится и что делает. Не присылал даже открыток на день рождения.

В округе Тиббеха остался только Вэн, подрабатывавший чем придется: был охотником за койотами, лесником и маляром. Он продолжал почесываться, удобнее устраиваясь на диване. Затем взял пульт и стал переключать телеканалы. Наконец нашел канал, показывавший рекламное шоу, в центре которого была клизма под названием «Очищение Господне».

– Этот парень в телевизоре говорит, что каждому можно помочь, – стал рассуждать Вэн. – Вот в чем загвоздка. Он считает, что можно отыскать средство от всего – от головной боли до рака и личных неурядиц. Ты в это веришь?

Квин замотал головой.

Дядя Вэн пожал плечами и потер грудь. Взял пачку сигарет и спички.

– Если бы у меня было восемьдесят долларов, я бы, по крайней мере, попробовал, – сказал он. – Может, это и есть то, что избавит меня от моих проблем? Черт, я уже неделю не вылезая из туалета.

– Вэн, – вмешалась Лили, не присаживаясь и не снимая кожаную куртку. Она стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на дядю Квина. – Расскажите Квину то, что говорили мне о встрече с Хэмпом на прошлой неделе.

- Я видел его в пятницу.
- За день до смерти, – уточнил для себя Квин.
- Несколько раз видел его до этого.
- Вы говорили, что Квин, возможно, заинтересуется, – напомнила Лили.
- Не хочу впутываться в это дело.
- Вы уже впутались, – заметила Лили, чуть подвинувшись, чтобы перекрыть телеэкран,

поскольку Вэн пытался снова завести разговор о методе «Очищения Господня». – Расскажите Квину.

– Я видел другого твоего дядю пару раз на автостоянке, – сказал Вэн, положив на место пульт и откинувшись на пухлые подушки потрепанного дивана. – Понимаешь?

- Ну и что? – спросил Квин.
- Ты не оставишь нас? – обратился Вэн к Лили, которая стояла возле него.

Лили взглянула на Квина, пожала плечами и вышла из трейлера, захлопнув за собой дверь.

- Стыдно признаться, но я иногда хожу туда. Когда у меня есть деньги.
- Квин не перебивал его.

– Болтаю с девочками, смотрю, как они танцуют. Там есть одна, которой я дарил цветы, купленные в супермаркете. Но она не стоила того. Деньги кончились, и закончилось наше общение. Можно получить полное удовлетворение от одной из этих кошечек? Ты понимаешь, что я имею в виду?

Квин ждал продолжения рассказа, сидя напротив Вэна на шатком металлическом стуле и не произнося ни слова. В комнате ощущался запах лежалых сигарет и лизола. На высоком табурете стояла открытая пластиковая коробка, в ней – недоеденная порция жаркого и тушеных бобов.

– Я его видел там дважды с одной и той же девицей, – продолжал Вэн, покончив с сигаретой и закурив другую. – Они с Хэмпом вели серьезный разговор в его машине. Мне все время казалось, что он смотрит на меня как на какую-нибудь дрянь. Я простой работяга, а напротив меня сидит этот чертов окружной шериф со своей женщиной. Словом, сложная ситуация.

- Но они просто разговаривали, – возразил Квин.
- Говорить с такой женщиной можно лишь об одном: торговаться насчет цены.
- Может, он собирался ее арестовать? – предположил Квин.

Вэн покачал головой.

- Ты видел эту девицу? Знаешь ее?
- Ее зовут Жасмин. Так же как растение. При случае я бы подшутил над ней.
- Это все?

– Постарайся держать меня подальше от этого, хорошо? Я ищу работу в дорожной бригаде.

Квин встал и посмотрел на часы. Время приближалось к пяти вечера. За стеклянной дверью он увидел Лили, опирающуюся на самодельные перила, она курила сигарету и тоже смотрела на часы. Квин протянул дяде на прощание руку и поблагодарил за встречу.

– Да, Квин. С тех пор как закрылся завод, жить стало труднее. Ты не дашь дяде немного взаймы, пока дела у него не наладятся?

Квин полез в карман и вынул сорок долларов, вручив их Вэну.

- Это тебе поможет?
- Ты всегда был моим любимцем, – сказал Вэн.

Автостоянка Ребел-Трак с конца 50-х годов располагалась на этом месте – менее чем в полумиле от старого шоссе № 45, которое протянулось от Мексиканского залива до озера Верхнее по восточному краю штата Миссисипи. Это место запомнилось благодаря рекламным

щитам с изображением пары бенгальских тигров, которых загоняли в клетку. Надпись вверху гласила: «НЕ ДРАЗНИТЕ И НЕ БРОСАЙТЕ СИГАРЕТЫ В ЖИВОТНЫХ». Когда Квин был еще мальчишкой, в живых оставался только один из тигров. Он был вялым и беззубым, постоянно находился в угнетенном состоянии, жил в грязи и в скором времени умер.

Примерно в это время Джонни Стэг задумал открыть на автостоянке стриптиз-клуб, небольшое помещение, прозванное миной-ловушкой. Округ пытался закрыть его несколько раз, но безуспешно. Благодаря взяткам, которыми Стэг подкупал проверяющих, предприятие процветало, пока его кто-то не поджег. Многие полагали, что это сделал сам Стэг. В настоящее время бизнес Стэга окреп и расширился. Водители грузовиков могли теперь воспользоваться мойкой и рестораном, купить запасные части для своих фур или отдохнуть на большой стоянке для автопоездов, которая почти каждую ночь не пустовала. Можно было также заняться сексом перед дальнейшей дорогой.

Квин припарковался у ресторана. Стриптиз-клуб помещался в отдельном здании, которое можно было увидеть со стороны шоссе. На здании была установлена большая неоновая реклама с флагом Конфедерации и пышной женской фигурой. Квин с Лили сидели в грузовике около двадцати минут, прежде чем увидели ту, которую искали: женщину в короткой клетчатой юбке, ковбойских ботинках и розовой лыжной куртке. Она спрыгнула на землю из кабины фуры и, стоя около машины, пересчитывала деньги.

Квин жестом позвал Лили и пошел за женщиной в ресторан на стоянке грузовиков, заполненный усталыми водителями, поглощавшими жесткие бифштексы и увядшую зелень. Женщина попросила кассира выдать ей чек на двадцать центов, нашла место за стойкой бара и заказала пирог с орехами и шоколадный коктейль.

Это была брюнетка, очень бледная, несколько рябая и с худыми ногами. Она быстро поела и вернулась на стоянку. Женщина шла мимо длинных рядов фур, иногда вытягивая шею к открытому окошку кабины, чтобы поговорить, а затем передвигалась к следующему ряду. Квин догнал ее, когда она сворачивала за угол, и с улыбкой попросил остановиться. Вокруг него пытели на холоде десятки грузовиков, воздух был пропитан запахом солярки.

– Послушайте, я здесь не просто болтаюсь. Ищу приятеля.

У женщины были карие глаза, непривычно узкие, и курносый нос. Квин предложил ей двадцатидолларовый банкнот. Она замотала головой.

– Я просто хочу поговорить.

– Никуда не пойду меньше чем за пятьдесят.

Он вынул бумажник и вручил требуемую сумму.

– Где ваш грузовик?

Квин отвел ее к пикапу, на пассажирском сиденье которого расположилась Лили. Женщину, по всей видимости, не беспокоило то, что в кабине был еще пассажир. Квин стал заводить двигатель.

– Вы можете заехать за клуб, – сказала она. – Они откроются через несколько часов. И только один из вас будет со мной общаться. Ладно? Ужас как холодно.

– Вы знаете девушку по имени Жасмин? – спросила Лили.

Женщина замотала головой, давая понять, что не знает. Между тем Квин подъехал к задней стороне клуба, где припарковались два переполненных мусоровоза, и заглушил мотор. Дневной свет уходил за темную линию горизонта, сосны приобретали контуры чернильного цвета, вода на расчищенных участках земли превращалась в лед.

– Вы уверены? – спросил он.

Женщина кивнула. Она выглядела испуганной.

– Сомневаюсь, что вы говорите правду, – сказала Лили, опуская боковое стекло и закуривая сигарету.

– Вы из полиции?

– Да, из полиции, – подтвердила Лили, взяв свою сумку и показав полицейский значок. – Как насчет того, чтобы сообщить нам, где сейчас Жасмин, и мы разойдемся без проблем? Иначе задержим вас за вымогательство.

– Я ничего не знаю.

– Ведите себя разумно, – посоветовала Лили. – Мы просто хотим задать ей пару вопросов.

– Я здесь всего неделю.

– Ложь, – возразила Лили. – Вас задерживали этим летом с поличным за сводничество на городской площади.

Женщина ничего не ответила.

– Вы из Флориды, – продолжила Лили, выпуская дым через приоткрытое окно. – Имеете судимость. Вас зовут Кайла.

– Ее нет здесь уже несколько дней. Понимаете? Отпустите меня.

– Это ваша подруга? – спросил Квин.

Кайла изучала свои покусанные ногти, ее коленка прыгала вверх-вниз, подобно поршню.

– Можно закурить?

Лили передала ей сигарету вместе с зажигалкой.

– Вам известно, где она живет? – поинтересовался Квин.

– Она действительно исчезла. И не вернется. Что ей остается?

– Она знала убийцу, – сказал Квин. – Мы полагаем, она что-то видела или знает об этом.

Кайла смотрела на черный горизонт поверх бесконечного ряда сосен, ограждающих шоссе, который казался Квину высокой стеной. Лили глубоко вздохнула – ее терпение заканчивалось. Она взяла женщину за руку, привлекая к себе внимание.

– Как ее настоящее имя?

Кайла недоуменно покачала головой.

– Вам известно, откуда она? – осведомилась Лили.

– Говорила, что из Брюса.

– Как она выглядит?

– Не знаю, как вам объяснить...

– Она белая? – уточнил Квин.

– Конечно, белая.

– Какого цвета у нее волосы?

– Коричневые. Черт, она ничем не примечательна, можно взглянуть на нее и забыть.

Половина людей, которых я встречала, выглядят как она.

Лили отпустила ее руку.

– Что еще вы знаете о ней?

– Знаю, что у нее есть ребенок. Она показывала его фото на мобильнике.

Квин взглянул на Лили. Она спросила:

– Та женщина называла имя ребенка?

Кайла не ответила, просто перевела взгляд на кончик своей сигареты. Квин повторил вопрос.

– Говорила, что ее дочь зовут Беккалин. Я спрашивала, зовет ли она дочь Бекки, так проще. Но она возразила: у дочери такое имя.

– Для начала неплохо, – сказала Лили. – Сколько лет может быть ее дочери?

– Не знаю, – ответила Кайла. – Лет шесть. Она не упоминала об этом.

– Вы не можете опросить для нас других девушек? – поинтересовался Квин. – Я заплачу.

Кайла пожала плечами:

– Девчонка давно исчезла. Вы ее не найдете.

– Почему вы так думаете? – удивился Квин.

- Если бы ей было нужно, она оставалась бы здесь вместе со мной, сводничая и стараясь накопить денег. Что еще делать в этой дыре?
- Лили, пристально глядя в лобовое стекло, кивнула.
- Милочка, вы не вернете мне зажигалку?

Глава 7

Квин освободил номер в мотеле «Отдых туриста» и около восьми вечера поехал к матери. У дороги на Итаку припарковал «хонду», которую вел впервые. Когда постучал в дом, дверь была приоткрыта, работал телевизор. Его звук был приглушен, и Квин слышал шаги до того, как женщина с сыном Кэдди на руках открыла дверь. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы узнать Анну Ли Эмсен, с которой он был знаком десять лет, с двенадцати до двадцати двух. Теперь это была миссис Люк Стивенс. Вот так неожиданность! Но Анна вроде не особенно довольна его появлением, подумал он. Она, хотя и была старше Квина, выглядела моложе своих лет благодаря темным карим глазам и светло-русые волосам, собранным в «конский хвост». Женщина была одета в безукоризненно чистую белую футболку и джинсы. Ее туфли были сброшены у входа в дом. Анна и теперь оставалась такой же небрежной и вальяжной, какой была подростком. У нее были нос с горбинкой и длинные сильные ноги. Ими она отталкивалась, когда прыгала в речку или на протянутые в ожидании руки Квина.

- Неужели армия отучила тебя разговаривать? – спросила она.
- Не ожидал тебя увидеть.
- Твоя мама побежала в супермаркет. Я сказала, что побуду с Джейсоном.
- Рад тебя видеть.

Квин снял бейсболку и пошел вслед за Анной. Она усадила Джейсона перед телевизором, на экране которого мультяшный малыш старательно выговаривал слова: cat, hat, rat. Малыш с улыбкой повернулся к Квину, затем снова к телевизору.

- Твоя мать говорила, что ты остановился в мотеле.
- Я несколько раз посещал ферму дяди.
- Я слышала, что она стала твоей.
- Это открытый вопрос.

– Рада видеть тебя, Квин. – Анна Ли улыбнулась, но как-то мимолетно, отводя взгляд и поджимая губы.

Она пошла в комнату родителей Квина, где распустила свой «конский хвост», позволив волосам рассыпаться по плечам, и вернулась. У нее была красивая спина, тонкие руки и изящная шея. Квину все это очень нравилось. Он знал, что это чувство не пропало, ждал его и не корил себя за него.

- Твоя мать надеялась, что ты останешься у нее, – сказала Анна. – Она даже купила пиво.
- Слава богу.
- Оно теперь продается в городе.
- Мне нужно было вернуться сюда раньше.
- Был этот чертов конфликт с баптистами, но он закончился. Теперь у нас бар в центре города.

- Цивилизация.
- Люк сейчас там. Он сказал, что имеет к тебе серьезный разговор.
- О чем именно, не сказал?
- Кажется, что-то о твоём дяде.

Их взгляды встретились. Квин снова улыбнулся ей. Анна взяла Джейсона, посадила на колени и прижала к себе. Мальчонка был поглощен телеэкраном, мультяшный малыш теперь считал до десяти. Квин думал о Кэдди, гадая, во что она вляпалась. Он знал, что у него с матерью большие расхождения в оценке образа жизни его сестры.

- Твоя мама боится, что ты зол на нее.
- Я не зол.

– Ты мог бы пожить у нее. Она не понимает, почему ты остановился в этом дрянном мотеле.

– Я встаю в любое время. Могу всех разбудить в доме. К тому же ребенок...

– Может, ты останешься на ужин?

– А как называется бар?

– «Южная звезда».

– Пожалуй, сначала я немного выпью.

– Ты можешь перебить аппетит.

Квин прошел на кухню и принес бутылку «Будвейзера», заметив, что его фото на фоне лагеря «Феникс», которое он привез из взвода, теперь прижато магнитом рядом с несколькими фото Джейсона и вырезками из газет об Элвисе Пресли. Квин вернулся и сел на диван. Джейсон развернулся, посмотрел на Квина, но, не увидев ничего интересного, снова повернулся к телевизору.

– В детстве мне казалось, что мы с Элвисом родственники.

– Твоя мама говорит, что встречалась с ним однажды.

– Она коснулась его руки, когда он выступал в концертном зале Mid South Arena, – пояснил Квин. – Это было во время исполнения «Я не могу не влюбиться в тебя». Она хранит шарф, который ей передал Пресли. Хранит в особом ящике из кедра.

Анна Ли устроила Джейсона на коленях поудобнее, вытянув свои длинные ноги и шевеля кончиками пальцев. Она повернула изящную шейку, чтобы взглянуть на Квина. Тот почувствовал смущение, заметив, что голубой ковер, фигурки Элвиса и даже этот старый телевизор не изменились с тех пор. Тогда они с Анной смотрели какую-то телепередачу. Неумолимо приближался ее конец. Они ждали, когда его мать покончит с остатками белого вина и отправится спать. Затем тайком пробрались в его спальню, настолько желая друг друга, что едва могли перевести дыхание. Этому способствовали тишина и спокойствие в доме.

– Ты еще со мной, Квин?

– Что ты имеешь в виду?

– То, что сказала. Ты выглядишь так, словно снова утратил способность говорить.

– Пора в «Южную звезду».

– Останься на ужин, – попросила Анна. – Ты успокоишь мать. Люка там нет. Мы пойдем туда позже.

Квин допил «Будвейзер» и взял ключи от пикапа.

– Рад был повидаться с тобой, Анна.

– Ага, встретимся еще через шесть лет.

«Южная звезда» расположилась на северной стороне городской площади между пунктом размена чеков и едва державшимся на плаву старым салоном красоты. Сама мысль о существовании бара в Иерихоне была настолько непривычной, что Квин не сразу решил заказать пиво. Он был еще более смущен, когда барменша, миниатюрная девица пяти футов роста, которой было не более двадцати одного года, в одно мгновение перечислила все марки имеющегося в баре пива, разливного и в бутылках. Квин заказал марку Reb Ale, когда заметил Люка Стивенса, спящего у стойки, в то время как барменша откупоривала для него бутылку пива.

– Надеюсь, ты повидался с Анной Ли? – спросил Люк, в знак приветствия помахав рукой.

– Она сказала, что ты хотел поговорить.

Ростом Люк немного уступал Квину. Худощавый, с пышными каштановыми волосами, он носил рубашку и пуловер с угловым вырезом на груди. Квин знал Люка с первого класса школы, но никогда не считал его близким другом. Одно время, во время учебы во втором классе, отец Люка сказал Джин Колсон, что было бы лучше, если бы ребята больше не играли

друг с другом. Это случилось после драки из-за игрушки, в результате которой Люк оказался с подбитым глазом.

– Ты что будешь пить? – поинтересовался Люк.

Квин показал ему бутылку Reb Ale и занял место рядом с ним.

Серебристый проигрыватель, настоящий, на сорок пять оборотов, воспроизводил песню Чарли Прайда «Поприветствуй утром ангела поцелуем».

– Смутьян Тиббехи снова в городе.

Квин улыбнулся, вспомнив, как Люк попал на доску почета и мог стать председателем класса. Он не относился к тому разряду подростков, за которыми гоняются копы всякий раз, как только их увидят, которые разъезжают на пикапах вокруг площади и которые не посещают церковь каждую неделю, даже если не болеют.

– Самый настоящий бар, – похвалил Квин.

– Это еще не все. Организовал и кафе при солярии.

– Из-за этого ты вернулся сюда?

– Нет, – сказал Люк. – Просто люблю хороший заработок и приятную работу.

Люк усмехнулся. Эта усмешка напомнила Квину Люка-школьника, его убежденность в том, что он добьется большего успеха, чем другие. Люк всегда полагал, что парни, подобные Квину, Уэсли и Буму, будут оплачивать бензин на его автозаправке. Но разве можно не уважать парня, который возвращается, чтобы занять место отца, единственного приличного врача в городе, организовавшего клинику для бедных, в то время как он мог жить в Джексоне или Мемфисе либо остаться в Новом Орлеане, где учился в медицинском колледже.

– Как мама?

– Прекрасно, – отозвался Люк. – Они с твоей мамой отличные подруги, обе вдовы и так далее.

– Моя мать не вдова, – возразил Квин. – Она просто говорит, что отец умер.

– Ты не шутишь?

– Увы, это печальная истина, – подтвердил Квин. – Она занимается этим с тех пор, как мне стукнуло двенадцать.

– Что с ним случилось?

– Не знаю и не хочу знать.

– Помню, как все ребята заглядывались на него, – мечтательно произнес Люк. – Я имею в виду время, когда он привез с собой ту актрису и они участвовали в рождественском параде. Как ее звали? Она выступала в комедийном шоу вместе с Бертом Рейнольдсом. У нее были большие сиськи.

– Это не было особенно радостным событием в доме Колсонов.

Люк перегнулся через стойку, подзывая барменшу-коротышку. Проигрыватель затарахтел и остановился. Затем он стал с шипением проигрывать другую виниловую пластинку. На этот раз Пэтси Клайн исполняла песню «Прогулка после полуночи». Ритм мелодии перенес Квина в прошлое. Он вспомнил Анну Ли и себя на футбольном поле, совершенно голых. Они целовались, когда фары машины ее отца осветили его сзади.

– Квин? – позвал Люк, передавая ему кружку свежего пива. – Держи.

– Благодарю.

Люк похлопал Квина по спине и сказал, как он был огорчен и как уважал его дядю. Сообщил, что в прошлом году ходил охотиться вместе с дядей на перепелов и даже немного порывачил с ним прошлым летом. Сказал, что никогда не замечал у дяди признаков депрессии.

– Он их скрывал. Твой дядя вел себя отлично.

– Может, у него была какая-нибудь болезнь?

– Не замечал этого.

– Разве ты не врач?

– Мне неплохо удается и работа следователя, – констатировал Люк. – Но это не то же самое.

– Ты находишь странным его смертельный выстрел?

– Ты имеешь в виду рану? – Люк покачал головой и отпил немного виски.

– Лили сказала, что входное пулевое отверстие не имеет значения.

– Имеет, если ты пьян до такой степени.

Рядом с ними за стойку сели две женщины из маникюрного салона. Люк представил Квина как старого приятеля, рейнджера и национального героя. Квин не понял, похвалой или сарказмом была последняя из трех характеристик.

Он вновь занялся своим пивом, но через несколько минут спросил:

– Итак, зачем ты хотел встретиться со мной, Люк?

Они сидели рядом. Барменша поставила перед ними еще пару кружек, они обрадовались этому, хотя и не делали заказа.

Проигрыватель переключился теперь на песню Лоретты Линн, в которой она советует старине Дуу (ее супругу) не приходить домой пьяным, думая при этом о любви. Примерно на середине песни в бар вошла Анна Ли. В дверях ее остановили две женщины, игравшие в дарты.

Анна переделалась в туфли на шпильке и расшитые блестками джинсы. Она помахала рукой мужу.

– Мне не хочется, чтобы ты чувствовал себя в неудобном положении из-за Анны Ли.

– В каком положении? Она ведь твоя жена.

– Было бы лучше, если бы мы пили у тебя дома.

– Разве этому что-нибудь мешает?

Люк улыбнулся. И Квин понял, что не обо всем здесь можно говорить. Нельзя говорить, когда Анна стоит в нескольких шагах от них. Все в городе знакомо ей. А Квин не знает почти никого и лишь гадает, кто бы это мог быть. В «Южной звезде» было тесно, шумно от смеха и пьяных разговоров. Обычно Квин сторонился баров, потому что в них начинались все конфликты.

– Если ты был следователем, то много работал с моим дядей.

Люк кивнул в знак согласия.

– Я слышал, работа удручала его.

– Мне известно, что он употреблял наркотики.

– Не помню, чтобы он злоупотреблял наркотиками, – усмехнулся Квин, отхлебнув пива. – Кроме того, я сам курил это зелье.

– Большинство проблем, с которыми я сталкивался как врач, связано с метамфетаминном, – сказал Люк. – Я имею в виду заброшенных или совращенных детей, женщин, которых избивают мужья. Твой дядя имел дело с другими людьми, теми, которые обчистили мистера Варнера, украли акустическую аппаратуру на пятьдесят баксов, или теми, которые пытались стрелять в его помощников. Их называют рабочими кокаина. Иногда мне хочется, чтобы меня посадили в обитую войлоком палату и дали попробовать эту фигню. Должно быть, получаешь какой-то кайф, когда продаешь душу дьяволу.

– В Афганистане выращивают кокаин, как у нас – хлопок. И армии строго приказано не вмешиваться в это. Не хотят раздражать полевых командиров.

– Ты побывал во многих боях?

Квин пожал плечами. Анна Ли села между ними, взяла стакан Люка и опорожнила его. Люк рассмеялся и схватил ее за задницу.

– У тебя нет пистолета.

Анна вскрикнула и отбросила его руку.

– Мне лучше уйти, – сказал Квин.

Люк извинился и поплелся в туалет под новую печальную музыку «кантри», которую играл проигрыватель. Анна толкнула Квина локтем в ребро с мягкой улыбкой на устах.

- Трус.
- Что это означает?
- Какое значение тебя устраивает?
- Спокойной ночи, Анна.

Квин добрался до заправки Дикси перед ее закрытием на ночь. Под вывеской «Добро пожаловать, охотники» приобрел упаковку из шести банок пива, расплатился и поехал по проселочным дорогам. Такой способ передвижения называли, бывало, ездой на машине с низкой посадкой, хотя все эти водители имели пикапы с высокой посадкой. Но все равно они ехали по грунтовой дороге медленно и осторожно, поглощая банки пива одну за другой, держась в стороне от основных дорог, где попадается полиция. Можно было остановиться у какого-нибудь деревенского кладбища, выйти из машины, покурить, отлить, сесть обратно в автомобиль и, вырвав по колдобинам туда, куда вам нужно, вдруг обнаружить, что потерялся и, возможно, заехал в другой округ.

Квин не мог потеряться.

Он предпринимал для этого адские усилия, но даже после третьей банки пива округ Тиббеха оставался знакомым и понятным, как дорожная карта. Квин выехал к Натчез-Трейс и, открыв новую банку, решил некоторое время держаться этой исторической тропы индейцев. Впервые за несколько лет он смог наконец расслабиться. Как взводному, ему приходилось довольно часто сдерживать себя, когда его парни начинали буяннить. Квин останавливал драки и доставал деньги под поручительство. Ему приходилось быть стойким и ответственным, между тем в ряде случаев именно взводный сержант предавался пьянству больше, чем кто-либо другой.

Нельзя сказать, что, будучи рядовым, он отличался особой дисциплиной. Рядовые всегда склонны к глупостям, и он не был исключением. Вскоре после получения им нарукавной нашивки рейнджера 3-й батальон оказался у взлетной полосы в Омане, ожидая вылета вместе с парнями из наиболее элитных в мире частей спецназа. Большинство из этих парней закалились в боях и были старше, чем Квин сейчас. Они взаимодействовали с рейнджерами, которые не доросли даже до умения выпивать.

Через несколько дней один озорной рейнджер решил надеть черное зимнее обмундирование и маску «балаклава», взять с собой сюрикены, сделанные из копенгагенских банок, и нунчаки, изготовленные с использованием клейкой ленты и парашютной стропы. Пока рейнджеры сидели в палатках, обсуждая опасные секретные задания, этот рейнджер-рядовой, одетый во все черное, стал швырять в них копенгагенскими банками и кричать: «Ниндзя!» – перед тем как сбежать.

Офицеры так и не установили личность этого парня в черном. Но кем бы ни был парень, он стал легендой батальона.

Квин улыбнулся про себя и резко свернул к речке. Далее он поехал по гравиевому пути к подъездной дорожке на ферму. Остановив машину, захлопнул за собой дверцу кабины пикапа и оперся о переднее крыло, чтобы помочиться. Он продолжал улыбаться, воображая этого ниндзя.

Закончив отправление естественной надобности, Квин поприветствовал луну и достал из кабины две оставшиеся банки пива. Одну он открыл сразу, другую приберег на ночь. На полпути к темному дому он услышал лай собаки. Сначала подумал, что Хондо загнал какого-то енота на дерево; меньше всего ему хотелось сейчас идти полмили, чтобы спасти напуганную жертву.

Лай звучал часто и отрывисто. Затем он услышал мычание коров.

Потом голоса на пастбище дяди.

Квин побежал в дом и извлек старый винчестер 45-го калибра с рычажным механизмом затвора. Затем пошел по дороге, вдоль длинного темного тоннеля, образованного подвижными гибкими ветвями над головой. Коровье мычание слышалось громче. Хондо продолжал лаять.

Квин взял ружье наперевес, дослал патрон в патронник и продолжил движение. Хондо юркнул под колючей проволокой и побежал рядом с Квином. От подножия холмов дул холодный ветер.

У забора Квин смог различить трех человек, затем еще двух, загонявших коров при помощи пинков и ударов в длинный проржавевший трейлер. Квин прошел вдоль канавы и взялся рукой за кедровый столб. Постоял в таком положении добрых пять минут, поглаживая уши Хондо, пока один из злодеев не заметил его и не ткнул своего соседа в ребро.

Они не были фермерами. Трое из них были просто бритоголовыми пацанами в рваных куртках. Еще одного тучного мужика с бритой головой, жидкой рыжей бородкой и татуировкой, расплзшейся по шее, Квин счел заправилкой всего мероприятия, исходя из того, что он вел себя как босс. Еще один был пожилой высокий костлявый человек с глубоко посаженными темными глазами. Он носил камуфляжную куртку без рубашки. Куртка была усеяна всякого рода нашивками и символами.

Квин отнял руку от Хондо и помахал им:

– Привет.

Костлявый отделился от всей группы и занял место между ней и Квином.

Квин двинулся к нему вместе с собакой в свете луны. Он свободно держал ружье в левой руке.

– Вечер... – вот все, что пришло ему в голову сказать.

Глава 8

Костлявый тип не произнес ни слова, просто стоял. Он был чуть меньше Квина ростом, носил черные усы и козлиную бородку. Смотрел на Квина пустыми глазами. Нижняя его губа оттопырилась из-за заложенного туда табака. Он сплевывал через нее каждые несколько секунд. Квин думал, что главарь будет держаться непримиримо, но он повел себя крайне неуверенно. Сообщники окружили его, как натренированные псы. Вожак не отрывал от Квина взгляда, когда тот прошел к открытым воротам загона для скота. Несколько коров отбились от стада и возвращались на пастбище.

– Вы что, потерялись, парни?

Костлявый улыбнулся, обнажив ряд неровных желтых зубов. Квин заметил на его куртке флаги США и конфедератов. Татуировка ползла вокруг его шеи. Своей медленной речью и взглядом он походил на уголовника. За поясом у него был засунут револьвер. Толстяк с жидкой рыжей бороденкой держал ружье 12-го калибра с подвижным цевьем.

– Выпусти их, – потребовал Квин.

Костлявый продолжал усмехаться.

Квин прошел к трейлеру прямо сквозь группу, отодвинув со своего пути одного парня. Открыл дверцы и стал подзывать коров свистом и голосом. Хондо прыгнул внутрь трейлера и стал подгонять их.

Налетчики полукругом двинулись на Квина, когда он отошел в сторону, освобождая путь проходящим мимо него животным. Квин заметил еще два ружья. Главарь вытащил из-за пояса револьвер. Квин держал ружье сбоку, палец на спусковом крючке.

Ночные пришельцы ступевались и остановились, двое из них глядели на босса, ковыряя носками сапог землю.

– Хотите, чтобы я обратился в офис шерифа? – осведомился Квин. – Это место никто не бросал.

Костлявый кивком дал сигнал двум парням, и те побежали к Квину. Квин шагнул прямо на них, оглушив одного прикладом ружья и ударив другого в шею. Он не менял темпа ходьбы, пока не прошел всего лишь в футах от лица босса и не улыбнулся ему. Тот почуял резкий запах, исходящий от тела Квина и его сигарет.

Главарь вынул из-за пояса револьвер. Квин схватил его за запястье и вывернул с резким хрустом. Главарь упал на колени. Квин дважды ударил его. Главарь упал на землю и выронил револьвер. Квин подобрал оружие, освободил барабан от патронов 38-го калибра и опустил в карман.

– Собирай свою шайку и убирайся, – приказал он. – Я имею право подстрелить любого из твоих говнюков.

Хондо залаял и укусил толстяка за пятку. Тот пнул пса ногой.

– Попробуй еще раз, – произнес Квин с угрозой в голосе.

Он пошел дальше не оборачиваясь, не слыша щелканья затворов, пока не достиг ворот. Щелчков было два, но Квин не обратил на это внимания, как будто слышал всего лишь жужжание москита.

Квин вызвал Уэсли Рута, но через пять минут пикап, который тянул за собой ржавый трейлер, промчался по дороге, громяхая на колдобинах и неровностях. Квин, стоя на пороге, видел лицо костлявого. Тот сидел за рулем и не смотрел на него. Из-за трейлера Квин не смог разглядеть номер грузовика.

Толстяк остался в пустом загоне, словно откормленный боров. Он наставил пистолет на Квина, улыбнулся и подмигнул ему с блатным видом, прежде чем налетчики свернули на главную дорогу.

Квин приготовил кофе в старом кофейнике на газовой плите. Они с Уэсли сидели на веранде в вертящихся креслах, пили кофе и разговаривали. Внутри и снаружи дома было одинаково холодно. В пикапе Квина оставалась пара сигар. Они закурили их. Хондо насторожил уши.

– Значит, ты нашел собаку, – сказал Уэсли, глядя на кончик сигары так, словно был удивлен его свечением. Под старую куртку он надел фланелевую рубашку. Уэсли снял кепку и потер голову.

– Пес сам нашел меня.

– Говоришь, их было пятеро.

Квин охарактеризовал всех пятерых.

– Думаешь, твой дядя мог продать скот?

– Ты знаешь многих людей, которые возятся с коровами среди ночи?

– Я дам указание поискать машину и трейлер.

– Надо что-то делать с этими проклятыми коровами, – сказал Квин. – Кто-нибудь может за ними присмотреть?

– Вроде Варнер опекал бизнес твоего дяди.

Квин кивнул, и некоторое время они сидели в молчании.

– Я видел Анну Ли сегодня вечером.

Уэсли усмехнулся, зажав в зубах сигару.

– Прошло не так много времени.

– Она нянчилась с малышом Кэдди, когда я зашел.

– Твоя мать святая. Она так заботится о ребенке Кэдди.

– У нее просто нет выбора.

– Кэдди была на грани, перед тем как уехала из Иерихона, – заметил Уэсли. – Я дважды задерживал ее за вождение в алкогольном и наркотическом опьянении. Доставлял домой.

– Может, будем говорить по делу? – предложил Квин.

– Анна Ли тебя еще волнует?

– Сколько тебе лет?

– Знаешь, каждый раз, когда я вижу Мег, у меня возникает желание затащить ее в постель.

– Мы с Анной не женаты.

– Все же от этого не уйдешь, – заметил Уэсли.

Он подошел к краю веранды и сбросил пепел с сигары.

– Даже когда скандалит, она волнует меня. Скажу даже, именно тогда, когда она скандалит.

– Из-за чего?

– Не будем вдаваться в подробности, хорошо, Квин?

– Я просто спросил.

– Кажется, она получила не то, что хотела, – произнес Уэсли с жесткой искоркой во взгляде. – Она думала о деньгах, когда я еще играл в Национальной футбольной лиге перед переходом в одиннадцатый класс школы.

– Она не такая, приятель, насколько я помню.

Уэсли молча посмотрел на Квина. Он бросил на ступеньку крыльца сигару, не выкуренную даже наполовину, и раздавил каблуком.

– Черт.

– Показать тебе кое-что? – спросил Квин.

Он отыскал под навесом керосиновую лампу, прошел на кухню и поставил ее на стол, покрытый клетчатой клеенкой. Потом указал на пятна крови, стараясь не прикасаться к обоям. Брызги крови, которые кто-то пытался стереть, образовали огромный венчик.

– О чем это говорит? – спросил Квин.

– Леонард не вычистил то, что я просил его почистить.

– Но вы провели анализ?

Уэсли кивнул:

– Мы добились немногого.

– Сколько времени это займет?

– Несколько недель. Может, месяц. Помогает лаборатория штата.

– Вам известно, куда делся пистолет?

– Что ты сам думаешь об этом? – поинтересовался Уэсли, держась за край стола.

– Джонни Стэг говорит, что владеет всей этой землей, – продолжил Квин. – Он наложил арест на эту собственность.

– Знаю, что тебе не нравится то, что Стэг обнаружил тело, но ведь они дружили последние несколько лет. Стэг просто хочет держать свое имущество под контролем.

– И предоставлять кредиты.

– Я никому не говорил о проблемах твоего дяди с игорными заведениями, – сказал Уэсли. – Какая от этого польза?

– С тех пор как я приехал, люди, прежде чем шепнуть свои секреты мне на ухо, говорят, что дядя был прекрасным человеком.

Уэсли пожал плечами. Каждое движение в пустоте старого дома казалось несоразмерным. Собеседники прошли по коридору к входной двери, вышли и захлопнули ее за собой.

– Собираешься что-нибудь предпринять в отношении сегодняшних говнюков? – поинтересовался Квин.

– Угонщиков скота? Подумаю.

– Без обиды, – продолжил Квин. – Но тебя, кажется, это мало интересует.

Уэсли оперся о дверцу патрульной машины и кивнул:

– Я знаю, кто они. Просто не считаю полезным сообщать это тебе. Мы возьмем их, рейнджер.

– Отличная куртка.

Уэсли перевел взгляд на свою куртку, на золотые заклепки, покрывавшие большую букву «Т», и улыбнулся:

– Я заслужил эту вещицу. И это первое, за что я схвачусь, когда ты меня разбудишь. Не возражаешь, если мы поспим немного?

Через десять минут после того, как отправился спать, Квин услышал шум автомобиля. Взглянул в окно и увидел патрульную полицейскую машину. Подумал, что Уэсли решил вернуться.

Когда же открыл дверь, то обнаружил одетую в служебную форму Лили Верджил. Она светила фонариком прямо ему в лицо.

– Я думал, что это Уэсли.

– Я похожа на него?

– Нет.

– Я гонялась за дорожными проститутками. Нам нужно съездить в Брюс. Ты достаточно трезв?

– Пил кофе в течение двух часов.

– Отлично, – сказала девушка. – Если выедем сейчас, то сможем успеть к церковной службе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.